

Анна Найденко

Нильфийка Ангардории

Анна Найденко

Нильфийка Ангардории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63805911

SelfPub; 2025

Аннотация

Ангардория напоминала рай. «Рай для ангелов хранителей», как его называли смертные. И жили здесь не просто существа, а божества, которые служили людям и сохраняли мир, не давая ему развалиться на части. Они рассыпали пыльцу, исцеляли болезни, душевные травмы и разбитые сердца.

Когда Лави исполнилось пять лет, ее мать бесследно исчезает, а ее медальон находят у границы и это означает, что той нет в живых... Лави не верит в это, решает докопаться до истины и найти маму любой ценой.

Она погружается в паутину тайн и интриг, рискуя своей жизнью, и понимает, что за всем этим стоит история, которую скрыли от жителей Ангардории...

Содержание

Глава 1. Первое проникновение в мир людей	5
Глава 2. Обряд	9
Глава 3. Бабушка Лавур	17
Глава 4. Чужой мир	21
Глава 5. Новость	32
Глава 6. Лави повзрослела	39
Глава 7. Прикосновение	43
Глава 8. Троица	52
Глава 9. Медальон	56
Глава 10. Собрание	64
Глава 11. Шкатулка	70
Глава 12. Ловушка	75
Глава 13. Опасность	81
Глава 14. На краю пропасти	90
Глава 15. Ошибка	96
Глава 16. Изменение	102
Глава 17. Безысходность	110
Глава 18. Возвращение	116
Глава 19. Предупреждение	121
Глава 20. Знакомство	125
Глава 21. Пузырек	131
Глава 22. Опасность	146
Глава 23. В бегах	154

Глава 24. У Корми

161

Конец ознакомительного фрагмента.

167

Анна Найденко

Нильфийка Ангардории

Глава 1. Первое проникновение в мир людей

Маленькая девчушка сладко зевнула на своей воздушной кровати, потянулась и открыла казавшиеся огромными на миниатюрном личике зеленые глаза. Веснушки покрывали лицо, вздернутый носик принюхивался к запахам, огненно-рыжие волосы завивались в мелкие кудряшки.

Она перевернулась и потрогала рукой пустую половину кровати. Открыла глаза, села на кровати и покрутила головой в разные стороны.

– Мааам? – произнесла девочка тоненьким голосочком.
– Ты где, мам?

Вчера мама показала ей человеческий мир. Мир, которому она когда-то будет служить, как это делали все в её роду. Но до этого еще далеко, потому что ей было всего пять лет.

Проникновение в человеческий мир покорило такое большое доброе сердечко в хрупком тельце. Там все было таким странным: эти большие металлические дома на колесах, которые мама назвала *машинами*, люди, двигавшиеся только

на двух ногах и не порхающие по небу, как жители Ангардории. Конечно, они могли и ходить, но все-таки предпочитали летать.

А еще в мире людей по воздуху плыл странный запах: вонючий и убогий, а порой разносился аромат, от которого кружилась голова и урчало в желудке. Это было странным, ведь они не питались как люди. И Лави не ожидала, что ее тело откликнется на эти головокружительные запахи.

Она бы так и осталась, скрытая бархатной пылью, висеть в воздухе *на улице*, как выразилась мама, но непосвященным нельзя было долго оставаться на человеческих землях. В Ангардории строгие правила, и возвращаться из мира людей нужно было вовремя.

Они пролетали мимо какого-то странного дома, который мама почему-то назвала «*магазин*», там все было таким ярким и аппетитным, что зеленые глаза Лави округлились, а рот непроизвольно открылся. Мама звала ее несколько раз, а потом подлетела, взяла за руку и потащила за собой.

«Придет время, и ты сможешь находиться здесь дольше, Лави», – прошептала мама на ушко и погладила дочь по огненно-рыжей шевелюре. Перед глазами девочки до сих пор стояли эти высокие дома, казавшиеся громилами, она тряслась от ужаса – а вдруг они оживут, поднимут свою огромную ногу и раздавят ее как червяка? Шум голосов, странный звук *колокола*...

Но Лави не решилась признаться маме, что она обладала

странным, не таким, как у других Даром – стоило ей увидеть то, что ее потрясло до глубины души, как это проявлялось наяву. Как и эта комната, в которой она находилась.

Мама и Лави уснули на их привычной жемчужной мерцающей кровати. Стены были прозрачными, чтобы можно было видеть все, что находилось в Ангардории, а в особенности – тот самый Обряд, которого Лави так ждала. На утро маленькая нильфийка проснулась и ахнула от восторга. Это же мечта, а не комната!

Лави спрыгнула на пол, покрытый застывшей шоколадной глазурью. Стены из того самого розового зефира, который она увидела, пролетая мимо *кондитерской*, с низкого потолка свисали сосульки из карамели. На миниатюрном личике в форме сердечка расплылась широкая улыбка. Она подняла голову и хлопнула в ладоши. «Ну, какая же я умница!» – подумала она про себя.

Но она забыла о магической защите. Дымчатый туман оплетал потолок, и расплывался по нему. Для взрослых это не проблема, а для такой малышки, как она, это было опасно. Девочка могла поранить свои крылышки.

Лави встала на кровать в полный рост и потянулась к карамельной сосулке. Оставалось всего чуть-чуть, чтобы ухватиться за острый край и лизнуть лакомство. Но не тут-то было! Милостивое личико скривилось от усердия, покраснело, а тело так напряглось, что девочка рухнула обратно на кровать, обижено посмотрела на потолок и раскинула руки

в стороны.

«Ну, ничего, в следующий раз придумаю сосульки до самой кровати», – сквозь зубы процедила девочка.

– Проснулась уже? – Ласковый голос мамы вырвал Лави из воспоминаний о человеческом мире и отвлек от сосулек, что не давали ей покоя. Мама ошарашено уставилась на потолок, осматривая комнату. – Что это такое, Лави? Откуда это все?

Лави замаялась и в растерянности уставилась на маму, взглянув на нее исподлобья. Отобразить свои мечты она умела, а вот вернуть все обратно – еще нет. Да и стоит ли возвращать, когда теперь здесь комната мечты?!

– Так, ладно. Потом разберемся. Вставай скорее! – Зеленые глаза матери вспыхнули.

И не успела девочка спросить, что случилось, как по Ангардории разнесся звук горна. Лави приложила ладошки к груди. Обряд. Наконец-то тот самый Обряд, которого она так долго ждала!

Глава 2. Обряд

Лавьера нахмурилась, глядя на потолок, с которого свисали сосульки из карамели. Ногам было непривычно стоять на липком шоколадном полу, а от стен из розового зефира исходил сладковатый аромат. Лавьера подавила улыбку. Как она и предполагала, Лави понравилось в мире людей. Но Дар? Девочке опасно вот так открыто показывать его. Знала бы она, чем ей это может грозить! Вот только как объяснить это малышке?

Лавьера подошла к зефирной стене и приложила ладонь. Дочка протестующе закричала и затопала ножками, на ее лице отразился ужас, когда под маминой ладонью появилось алое сияние, что впитывало в себя ее проделки.

Миг – и все снова стало, как и прежде. В глазах девочки застыли слезы. Лави опустила глаза, ее плечики поникли.

– Лави, даже не начинай! – строго сказала мама. – Ты прекрасно знаешь, какие в Ангардории правила! У каждой нильфийки свой Дар, но твой не вписывается ни в какие рамки.

В глазах Лави стояли слезы.

– Давно это у тебя? Давно у тебя этот Дар?

Лави покачала головой.

– Нет? А с каких пор?

Лави сцепила пальчики в замок и продолжала смотреть в

пол.

– Это после вчерашнего, да? – не унималась мама.

Лави подняла грустное личико, по щекам текли слезы.

Лавьера подошла к малышке и присела перед ней на корточки.

– А я сейчас возьму и выпью твои слезы! – Лавьера приблизилась к щеке Лави. – Ну-ка, у кого такие соленые слезки? – Она прикоснулась к щеке дочери и втянула губами капельку. – Какие вкусные, ммм.

И от обиды Лави не осталось и следа. Она взвизгнула, отодвинулась, замахала руками и с воплями кинулась бегать по комнате.

– Мои слезы! Не отдам! – кричала малышка, визжала и смеялась.

Лавьера поднялась на ноги и хмыкнула. Она догнала дочь и повалила ее на кровать. Детский залиvistый смех заполнил всю комнату.

– Тебе нужно больше летать, Лави. Ты же не человек.

– А ты? – Рыжие брови девочки поползли вверх.

– И я, – выдохнула Лавьера. Если хочешь научить ребенка чему-то полезному, то покажи ему пример! Но следовать этому правилу было непросто.

Немного помолчав, Лавьера продолжила:

– Лави, ты должна мне кое-что пообещать, – она погладила дочь по голове. – Ты больше никогда не выкинешь ничего подобного.

На лице Лави пронеслось столько эмоций, что Лавьера растерялась и нахмурилась.

– Надо рассказать о твоём Даре Лавур.

Лави открыла рот, в глазах читалась обида.

– Даже не вздумай плакать! – Лавьера взяла в ладони миниатюрное личико в форме сердечка. – Послушай, малыш. Просто поверь, тебе лучше не делать... так.

– Но почему, мама? – Она сказала это так, что у Лавьеры чуть было не разорвалось сердце.

– Подрастешь и все узнаешь.

Лави нахмурилась. Ну вот, всегда эти взрослые так: «Вырасти, Лави, и поймешь! Ты еще мала, Лави!». А когда вырастешь-то? Сколько ждать? Целую вечность, что ли? Она каждое утро подходила к маме и спрашивала: «А я уже выросла?», чем ее забавляла. Как же ей хотелось вырасти прямо сейчас, вот в эту самую минуту, чтобы понять, почему нельзя силой мысли преобразать свой мир! Это же так прекрасно! Что плохого в том, чтобы жить так, как хочется?!

Лавьера продолжала пристально смотреть на дочь.

– Договорились? Просто пообещай мне.

Лави грустно вздохнула и сдалась:

– Ладно.

– Вот и славно. Нам надо научить тебя контролировать эту силу. Это важно, Лави.

Лави протяжно вздохнула и прикусила губу от обиды. Сколько она себя помнит мама и бабушка постоянно что-то

ей запрещали и опекали ее – совсем не так, как другие родители опекают своих девочек. И Лави все гадала – почему? Но, кажется, этих ответов она не дожидается, пока не вырастет. А ждать, наверное, целую вечность!

Все обиды вылетели из головы, как только они подошли к прозрачной стене. Личико Лави озарилось неподдельным восторгом. Дома нильфиек по кругу висели в воздухе. Их было очень много и все они с виду напоминали гигантские ракушки. Прямо посередине, чуть ниже, располагалось пустое пространство. В день Обряда там выросло едва различимое белоснежное облако. Лави смотрела во все глаза и с нетерпением постукивала ногой по стене.

Первой на облаке появилась Равни – правительница Анггардории и нильфийка Равновесия. Ее выбеленные космы доставали до облачка. Худые ноги, как и все тело, прикрывала сверкающая серебристая ткань, в руках – белоснежный посох Равновесия из особенного растения. Ее морщинистое лицо будто разглаживалось при его жемчужном сиянии.

Лави подошла еще ближе и смотрела так, словно боялась что-то упустить из виду. Это был первый в ее жизни Обряд! Нельзя упустить ни одной детали! Возле Равни выросла фигура: прекрасная девушка с черными шелковистыми волосами до пояса. Ровная осанка, расправленные плечи. Девушка повернулась лицом и между бровями Лави пролегла складка. Прекрасная незнакомка, казалось, смотрела прямо на девочку, несмотря на разделяющее их расстояние. Лави морг-

нула. «Ну не может же такого быть, чтобы она меня увидела, ведь так?».

Лави поспешно отвернулась и принялась перебирать в памяти все, чему ее учили мама с бабушкой.

Ангардория делилась на четыре сектора: Серебристый, где обитали целители. Они жили в смешных деревянных парящих по небу домиках. Их мази исцеляли ушибы, глубокие раны и даже смертельные недуги. В Пурпурном секторе жили ткачи и творцы. Они пряли на своих станках волшебные ткани. Потом швеи шили одежду, согревающую в холодную пору и охлаждающую тело в знойную жару. А живописцы рисовали такие картины, которые оживали под их кистью. В Фиолетовом секторе жили строители, конюхи, создатели воздушных колесниц и наставники. Четвертый, Жемчужный, где жила Лави, занимали нильфы и нильфийки с особенным Даром.

Каждый род обладал каким-то качеством, который преобладал в них, и его было так много, что они могли влиять на других: зависть, надежда, гармония, счастье, спокойствие, вера, ревность, тревога и любовь. Зависть, Ревность, Исцеление и Тревога помогали Равни в Ангардории, выполняли поручения правительницы. Они не совались в мир людей без надобности. А вот остальные служили людям, улучшая их жизни и мир в целом. Мужчин называли нильфами, а женщин и детей – нильфийками. Правда, Лави не все понимала. К примеру, почему у тех, кому достался этот странный

Дар и выпала честь служить миру людей, имена начинались с одной буквы?

Нильфийка любви – на «Л», нильфийка ревности – на «Р», нильфийка зависти – на «З» и так все остальные. Почему другие носят обычные имена, наподобие «Нейл», «Лимба»? Да и мама, как всегда, отмахнулась и сослалась, что Лави еще мала. Как обычно!

Нильфийки в роду Лави обладали Даром любви. Они отличались яркими волосами, зелеными глазами и тоненьким телом. Их Дар успокаивал душу, исцелял разбитое сердце, наполнял душу теплом и обволакивал теплотой, чистотой и добротой.

После Обряда в день совершеннолетия волшебный прядильный станок в Башне мира, находившейся на безлюдной территории, на куске легкой как пушинка ткани выдавал нильфийке территорию, отведенную ей для служения в мире людей. А после рабочего дня с защитного кулона считывалась важная информация: где нильфийка побывала, насколько продуктивной была ее работа.

Лави уже знала, кто сегодня будет проходить Обряд. Это нильфийка Зависти. Лави скривилась, словно съела что-то отвратительно невкусное.

– Ты чего? – поинтересовалась Лавьера. – Лави, не делай так. В Ангардории все – божества и все равны! Просто кому-то повезло больше, а кому-то – нет. Прояви к Зави хоть капельку уважения!

– Никак не пойму, – нахмурилась Лави и посмотрела на маму. – Почему Зависть проходит Обряд? Зачем она вообще здесь нужна? Разве она не несет зло? Она ведь злая, мама! Вон как зыркнула на меня! – с жаром произнесла Лави.

Лавьера улыбнулась и снова погладила дочку по буйной огненной шевелюре.

– Ты и сама знаешь ответ на свой вопрос. Для равновесия. В Ангардории нет зла. Запомни это, Лави! И не вздумай никому сказать то, что ты только что выпалила. Смотри, сейчас начнется самое главное.

На личике Лави вспыхнул интерес, она резко повернулась обратно и вперилась взглядом в правительницу и нильфийку.

Лави перевела взгляд влево и нахмурилась. Точно так же, как и остальные, возле прозрачных стен стояли нильфийки Тревоги, Ревности и Зависти. Их выдавал хмурый взгляд.

Нильфиек в Ангардории было много. Лави еще не научилась считать, чтобы сказать сколько их. Но Лавур как-то проболталась, что когда-то в Ангардории яблоку негде было упасть. Что это было за яблоко и куда ему следовало падать и зачем, она так и не поняла. Но когда Лавур рассказала дочери, что еще ее до рождения Ангардорию наполняло веселье, радостные крики и нильфийки большую часть времени проводили вне дома, маленькая Лави удивилась.

Лави спросила об этом маму, но на лице той вдруг отразилась печаль, а потом она разозлилась и сказала, что это за-

крытая тема, о которой они не говорят!

Станным было и еще кое-что. Только у нескольких нильфиек были отцы, которые проводили с ними время. Но они предпочитали не высовывать носа, словно от кого-то скрывались. Это была очередная загадка. У Лави отца не было – еще одна запретная тема.

Равни подняла вверх посох. Яркие солнечные лучи впере-мешку с чернильными полосами раздались в разные стороны и переплелись между собой, словно ленты. Жемчужный цвет переплелся с тьмой и повис над Ангардорией. Равни подошла к Зави и приложила ладонь к ее лбу. Бесконечно долгие секунды переросли в минуты, заставляя сходить с ума от нетерпения. Плечи Зави напряглись. Она на миг опустила голову и с каким-то невероятным усилием подняла ее, словно голову покрывала тяжелая корона. Но короны не было, это все знали. Просто Обряд был тяжелым. С виду он казался чудом, но отнимал силы и требовал терпения. И Зави его прошла. Запыхавшись, Зави повернулась лицом к домам. На ее лбу проступили мокрые капли, и Лави разглядела на шее посвященной нильфийки медальон с черной кляксой в прозрачной капле. Ее медальон силы, который она, не снимая, носила в Ангардории.

Кожа Зави замерцала, ее волосы змеились на ветру, на губах заплясала улыбка, смуглое лицо побледнело.

Глава 3. Бабушка Лавур

Лави заткнула уши руками, когда в соседней комнате начали ругаться мама и бабушка Лавур. Девочка нахмурилась и зажмурилась. Ссоры в доме действовали на нее хуже наказания. Невыносимо это слышать! Куда бы деться, чтобы не попасть под горячую руку? Но деваться некуда. Чтобы оказаться у входной двери, нужно пролететь через комнату бабушки, где та как раз выясняла отношения с мамой.

Бабушка сердитым тоном укоряла за что-то свою дочь. А Лави не понимала, что ей делать. Она не смелая, и не храбрая, как в тех книжках, которые ей читала перед сном мама, но все же интересно – из-за чего такой переполох. Может, из этой ссоры она узнает что-то интересное, что скрывают от нее? Любопытство взяло верх. Лави оттолкнулась ножками от пола и взлетела. Ее пурпурные крылышки мерцали в солнечном свете, заливавшем комнату.

Дверь растаяла на глазах. Крики лишь усилились. Лави поежилась, между рыжих бровей пролегла хмурая складка. Она влетела на «поле сражения». Лавьера и Лавур резко и одновременно повернули головы в ее сторону. Они уставились на девочку и разошлись в разные стороны, словно не было никаких криков и пререканий друг с другом. Лави опустилась на пол и захлопала глазами. Это что же получается – зря она расхрабрилась, и нужно было остаться в своей ком-

нате и подслушивать? Но подслушивать – плохо! Так говорила мама!

– Пошли, внучка, я кое-что покажу тебе в мире людей.

Лицо Лави озарилось светом, напряженные черточки лица разгладились, плечики расслабились.

– К людям? – На миловидном личике застыло любопытство. – Но мы же были там вчера с мамой, – растерялась малышка.

Лавьера подошла к Лавур и умоляюще посмотрела на нее.

– Не стоит ей там появляться так часто. Лавур, ей всего пять! Придет время, и она сама обо всем узнает.

– Молчать! – запротестовала Лавур, и стукнула кулаком по столу. Обе – и дочь, и внучка – вздрогнули от звука ее голоса. Спорить было бесполезно.

«Да что это с Лавур?» – думала про себя крошка. Нильфийки редко ругались и повышали друг на друга голос. А ее бабушка и мама – тем более!

– Нам нужно выпустить ее в мир! Чем больше она будет подготовлена, тем меньше боли получит.

Лави открыла рот и уставилась на бабушку, лицо которой смягчилось.

«Что еще за боль? К чему мне надо подготовиться?».

Лавьера резко развернулась и вышла из комнаты, что говорило об ее несогласии.

Лавур усмехнулась. Ее рыжие волосы выцвели и в некоторых местах покрылись сединой, на груди висел амулет силы,

через плечо перекинут мешочек с пылью.

– Не слушай свою мать. Она сегодня сама не своя.

– Почему? – обеспокоенно поинтересовалась девочка. Она обернулась на дверь, в проеме двери мамы уже не было видно.

– Ой, мелочи, – отмахнулась Лавур. – Мы вернемся с тобой к ужину, и если она захочет, то сама все расскажет! Я в ее дела не лезу!

Глядя на неуверенность Лави и испуг на детском личике, Лавур продолжила:

– Чего ты боишься?

Лави дернула плечиками.

– Да ничего, – ответила она и посмотрела на пол.

– Я буду рядом. И глаз с тебя не спущу.

– А... – робко начала Лави. – Это не опасно?

Лавур снова фыркнула в своей привычной манере.

– Еще чего! Конечно, нет. Ты же будешь со мной. Покажу тебе то, чего мама не показала. Тебе понравится, вот увидишь. – Лавур подмигнула девочке, и на душе стало легче. Цепкие щупальца тревоги начали отступать.

Лави робко вложила руку в массивную ладонь старухи, по-прежнему чувствуя легкую неуверенность.

В голове снова пронеслись те самые образы: голоса, шум, звон колокола, эти гигантские здания, а еще умопомрачительные запахи, о которых она грезилась во сне.

– Ну что, готова? – спросила Лавур мягким спокойным

ГОЛОСОМ.

Лави кивнула, и из ее головы вылетели все мысли. Ведь она снова окажется в этом прекрасном человеческом мире. Разве не хотелось ей снова там оказаться? Еще как хотелось!

Глава 4. Чужой мир

Без нильфийки, прошедшей Обряд, Лави не могла бы проникнуть в человеческий мир, пока ей не исполнится восемнадцати. Вот тогда она станет полноправной нильфийкой, служащей человеческому миру. И прямо сейчас, скрытая бархатной пылью бабушки, она вертела головой в разные стороны.

Звон битого стекла, широкие улицы, по которым ходили люди, гигантские, отличающиеся друг от друга, здания.

Лавур работала на севере Геординии. Здесь на плечи богачей были накинuty меха, люди кутались в пальто даже летом. Из труб валил черный дым.

– Это проделки Зависти? – нахмурилась девочка.

Лавур перевела взгляд на трубу и засмеялась.

– Нет, дорогая моя. Зависть здесь не при чем. Это выхлопные газы, отходы. Не бери в голову, Лави. Просто осмотрись. Однажды и ты будешь служить людям.

Лави порхала по воздуху и смотрела, как бабушка распыляет пыльцу там, где ссорится влюбленная парочка. Лави уставилась на них и нахмурилась. В последнее время ей не давали покоя мысли об ее отце. Кто он? Что с ним случилось? Почему в человеческом мире люди ходят парами и здесь полно мужчин, а в Ангардории их лишь единицы? Странно все это. Прохожие спокойно передвигались по ули-

цам, а нильфийки большую часть времени проводили в своих домах.

Лави с любопытством рассматривала, как пыльца приземляется на головы влюбленных, как разглаживаются черты их лиц, и они берутся за руки. В воздухе появился сладковатый аромат, от которого Лави чихнула.

Темноволосый высокий мужчина и миниатюрная женщина с короткими светлыми волосами резко повернули головы, но, никого не увидев, отвернулись, обняли друг друга за талию и пошли неспешным шагом.

Они с бабушкой, кажется, облетели все, что только можно: перед глазами простирались бескрайние поля, широкие проспекты, частные дома и многоэтажки. Глаза болели от разных видов, больше напоминавших картинку из книг, голова шла кругом. Лави канючила и хотела вернуться обратно, но было еще рано – Лавур пока не выполнила всю работу, а потому стражники не пропустят ее обратно. Лави уже засыпала от усталости, и Лавур пришлось взять ее на руки. «Тяжелая!» – думала про себя Лавур, но не сказала ни слова.

На улице темнело, но они уже поработали на славу: грубый мужлан с большим волосатым животом, едва прикрытым какой-то тканью, грубо тащил какое-то лохматое и до боли милое существо. Как сказала бабушка, это был щенок. Лави снова и снова смаковала это слово. Какое оно удивительное! Пыльца опустилась на живот мужчины, и он вмиг подобрел, присел перед сжавшимся в комочек щенком.

Они пролетали вдоль парков, залетали в подъезды многоэтажек и в частные дома и дарили счастье. В души людей проникала частичка любви, которая смягчала их сердца и оставалась там навсегда.

Лавур побледнела от усталости, ее клонило в сон, но было еще одно место, где она должна была оказаться. Она разбудила внучку.

Лави открыла глаза и с неимоверным усилием замахала своими крылышками. Как только увидела *это*, то сон улетучился в ту же минуту. Она замерла в воздухе.

Как позже выяснилось, это был еще один парк – большой, с зелеными деревьями и ухоженными клумбами. Посередине парка крутилась карусель с лошадьми, на которых сидели дети примерно ее возраста. Их родители стояли рядом друг с другом, махали каждый своему ребенку, улыбались и направляли на свое дитя что-то продолговатое.

Но больше всего ее удивили большие, размером с ее голову, мыльные пузыри, что порхали по воздуху, как и она. Лави открыла рот и следила за тем, как они поднимаются высоко в небо.

– Вот ты где, – прозвучал недовольный голос бабушки. – Я же говорила, чтобы ты не отставала от меня! – Лицо Лавур смягчилось, когда она увидела восторг на лице внучки.

– Бабушка, а что это они такое делают? – вкрадчивым голосочком спросила Лави.

– Это телефон. Штуковина, на которую люди снимают все

подряд.

Весь восторг мгновенно улетучился с лица Лави, она вновь нахмурилась.

– Ничего не понимаю! – печально произнесла она. – Тырфон?

– Телефон, – ответила Лавур и подавила улыбку. – Тебе и не стоит ничего понимать, Лави! В мире людей все довольно странно. А эти штуки вообще не нужны! Они только мешают им жить по-настоящему!

Но Лави уставилась на эти странные штуковины, которых не было в Ангардории, и внимательно наблюдала, как мужчина поднес этот самый телефон к лицу мальчика, нажал на него пальцем, улыбнулся, кивнул и спрятал телефон в карман.

– Лави, торопись! Нам надо еще в одно место.

Лави вздохнула. Напоследок окинула взглядом те самые мыльные пузыри, что не давали ей покоя, и поспешила за бабушкой. Они остановились возле какого-то многоэтажного здания из белого кирпича и с множеством окон, выходящих на парковую территорию. Лави сразу не понравилось это место. Она опустилась на землю и встала на твердую почву босыми ногами.

– Это тебе, – мягко произнесла бабушка.

Лави уставилась на монетку на большой ладони бабушки.

– Что это? – буркнула девочка и сжала ладошки.

– Это подарок, волшебный талисман. Бери, не бойся. Это

придаст тебе смелости там, где мы с тобой окажемся. Просто крепко сожми его в ладони, и ты станешь самой смелой нильфийкой.

Лави робко взяла монетку из ладони бабушки и поднесла ее к небу. На бронзовой поверхности какие-то символы. На вид – ничего особенного, обычная монетка. Но Лавур никогда не обманывала. «Если бабушка сказала, что это волшебный талисман, значит, монетка не такая простая, как кажется», – рассуждала про себя девочка.

Лавур столько ей рассказала о человеческом мире, что голова раскалывалась. И девочка уже догадалась, что это далеко не все и ей еще много чего предстоит узнать!

Лави крепко сжала монетку в ладошке, ей и правда стало не так страшно оказаться внутри этого неприятного с виду здания. Малышка повернула к бабушке свое серьезное личико и кивнула, давая понять, что она готова.

Лавур в двух словах рассказала, что это за место. Это – городская больница, и они направляются в онкологическое отделение. Лави не поняла ни слова. Но, как только они оказались внутри, ей стало не по себе от странного запаха и измученных опечаленных лиц. Лави поняла, что людям, находившимся в стенах этой больницы больно и плохо. В груди неприятно кольнуло, и на нее нахлынула жалость ко всем этим людям.

– Лавур, почему ты ничего не делаешь? Отдай им свою пыльцу! – на одном дыхании произнесла девочка, ошара-

шенная увиденным. В Ангардории никогда не было боли, там царили лишь красота и равновесие. А здесь внизу – горечь и отчаяние. Но, как же так? Ведь человеческий мир так прекрасен!

– Не торопись, Лави. Я привела тебя сюда не просто так.

Они находились перед какой-то дверью, выкрашенной белой краской. Дверь резко отворилась и Лави прислонилась к бежевой стене вслед за бабушкой. Из больничной палаты вышел высокий мужчина в очках, седина покрывала его голову. Он внимательно прочитал какие-то бумаги, опечалено вздохнул, закрыл папку и направился куда-то по коридору.

По спине Лави пробежал холодок. Ей здесь не нравилось: эти стены, впитывающие в себя боль и отчаяние, словно целились в нее и хотели раздавить. Для нее это слишком...

– Талисман, помнишь? – спросила Лавур.

Лави, затаив дыхание, перевела взгляд на кулачок, в котором была монетка, и сжала его еще сильнее, так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Лавур полетела вперед, пока дверь не закрылась. Лави, сглотнув ком в горле, последовала за ней. Она закрыла глаза, ожидая увидеть что-то ужасное.

– Не бойся, трусишка. Тебе никто не навредит.

Но открыть глаза все равно было страшно! Тот самый едкий запах *антисептиков* – как сказала бабушка – витал в воздухе, а до ушей доносился странный писк.

Лави резко открыла глаза, не разжимая кулак, и устави-

лась на странный аппарат с каким-то рисунком, которого она в жизни не видела, на трубки, и, наконец, на неподвижно лежащего мальчика. На белоснежных простынях большой кровати он казался таким беззащитным и маленьким, что в груди Лави снова неприятно кольнуло.

– Он что, умирает? – тихо прошептала девочка.

– Он болен. Мы ничего не можем с этим поделать. Но можем облегчить боль, хотя бы ненадолго.

– Как же так? – спросила Лави, язык в ее рту стал невероятно тяжелым. – Мы же нильфийки, у нас есть Дар! Мы точно можем его вылечить!

Лавур покачала головой и прикрыла глаза, словно ей и самой было невыносимо больно смотреть на мальчика, внешне казавшегося примерно такого же возраста, что и Лави, но заметно исхудавшего.

– Мы не всеильны, Лави. – Она задумалась о чем-то своем, ее взгляд помрачнел. – Хочешь, сделай это сама...

– А? – Лави резко повернулась к бабушке. – Что?

– Держи, – Лавур протянула внучке мешочек с пылью.

– Ты хочешь, чтобы я сама облегчила ему боль?

– Именно так.

Лави открыла рот, все еще не веря доброте бабушки. Обычно та была с ней поостроже.

В голову Лави закралась безумная мысль.

– Можно, я побуду с ним недолго?

Кустистые брови Лавур подскочили вверх.

– Пожалуйста. Это ведь мой первый раз. Прошу тебя, Лавур. Ну, пожалуйста!

Лавур сдалась.

– Ну, хорошо. Просто посыпь его пылью и уходи. Жду тебя за дверью.

Лави кивнула. Лавур подлетела к двери и обернулась посмотреть на мальчика, опасаясь, что тот проснется. Но тот спал крепким сном. Лавур поднесла к губам защитный медальон и произнесла нужные слова, которые открывали двери и замки на них. Ручка двери тут же крутанулась влево, и дверь приоткрылась. Лавур исчезла за дверью, предоставляя внучке шанс все сделать самой. Это был ее первый раз!

Лави сглотнула ком в горле. В ее левой руке крепко зажата монетка, а в правой – мешочек с пылью. Она подлетела поближе к кровати, где лежал мальчик. Встала на ноги, перевела взгляд на мешочек. Тело предательски задрожало. Лави потянула за узелок, и горлышко из мешковины расширилось, в нем показалась бархатная пыльца.

Лави поставила мешочек на кровать, чтобы не разжимать ладонь – монетка все-таки и правда обладала какой-то силой, с ней было не так страшно – и погрузила ладошку в пыльцу.

– Ты ангел? – спросил мальчик. Он смотрел прямо на Лави.

Глаза девочки округлились от ужаса. Она замерла на месте.

– Ты пришла за мной? Уже пора? – продолжал мальчик.

Лави медленно повернула голову в сторону, чтобы понять, к кому он обращается. Но в больничной палате, кроме них двоих, больше никого не было.

– Ты что, видишь меня? – прошептала Лави на одном дыхании.

Мальчик резко схватил ее за руку, в которой была зажата монетка. У Лави перехватило дыхание. Она резко дернулась, зацепила мешочек, и он упал вниз, а пыльца рассыпалась по полу.

Лави заткнула рот ладошкой, присела на корточки.

– Что ты натворил? – пропищала она.

– А что? Там было что-то важное? – усталым безжизненным голосом произнес мальчик. Под его глазами пролегли темные круги.

– Как тебя зовут? – спросил мальчик, а Лави утонула в его темно-синих глазах.

– Лави, – выпалила она.

– Приятно с тобой познакомиться, Лави. А я – Оливер.

Лави забыла и про бабушку, и про мешочек. Она – не пойми, зачем – разжала кулачок, с досадой посмотрела на ладонь, где лежала монетка бесстрашия, и протянула мальчику.

– Вот, держи! Она волшебная. Это избавит тебя от боли, а еще ты станешь здоровым! – зачем-то соврала Лави. – Честно-честно!

Мальчик бросил взгляд на монетку, которую Лави положила ему на ладошку. Он сжал ее и улыбнулся.

– Спасибо, Лави, – прошептал он и закрыл глаза. В уголке глаз появились слезы и побежали по щекам.

Лави резко повернула голову, когда в палату впорхнула бабушка.

– Ты чего так долго? – Лавур бросила взгляд на пол, и черты ее лица ожесточились. – Ты что, рассыпала пыльцу?

Лави занервничала. Она перевела взгляд на мальчика, но он снова уснул, а в его руке лежала монетка.

– Прости, бабушка. Я нечаянно!

Лавур вздохнула.

– Так, хватит стоять! Лучше помоги мне. И, Лави, что же ты стоишь на ногах? Сейчас же поднимись в воздух! Ты оставишь следы! Нильфийкам нельзя быть такими опрометчивыми!

Лави устыдилась. Об этом она не подумала! Она поднялась в воздух на крылышках и посмотрела вниз на свои следы. Бабушка подула на них, и они исчезли.

Пыльцы в мешочке было немного, поэтому справились они быстро. Лавур присыпала лысую голову мальчика. Лави еще раз бросила на него печальный и полный тоски взгляд. На лице Оливера проскочила едва ли различимая улыбка. Внутри у нее вспыхнуло какое-то странное необъяснимое чувство, и она прижала ладошки к груди.

– Мы с тобой молодцы. Сделали все, что нужно! Теперь

нам пора в Ангардорию. Лавьера, небось, уже нас заждалась!

Против воли Лави повернулась к Оливеру спиной и полетела за бабушкой, но в голове снова и снова крутилась одна и та же мысль: «Почему этот мальчик видит меня?».

Глава 5. Новость

Лави впорхнула в свою комнату и шлепнулась на кровать. Устаала! Она прикрыла ладошками лицо. Перед глазами встал образ: исхудалое миниатюрное тело на такой громоздкой кровати, бесцветный слабый голос. И имя – «Оливер».

– Лавьера, мы уже дома! – Обеспокоенный голос бабушки вырвал Лави из раздумий.

Девочка села на кровати. В проеме двери застыла сгорбившаяся фигура Лавур. Во взгляде читался страх.

– Лави, оставайся здесь. Никуда не выходи и никого не впускай, хорошо? Ты должна оставаться здесь.

– Почему? Что случилось? Где мама?

Лавур поцокала языком и отвела взгляд в сторону.

– Чувствую, что-то грядет, – вздохнула она. – Говорила я ей. Предупреждала! – Покачала головой Лавур.

Тело Лави напряглось, воздух вышибло из груди.

– Я ... не понимаю, – проямлила девочка.

– Тебе и не нужно. Вот, держи, – Лавур протянула внучке руку, и Лави наконец увидела, что бабушка принесла ей еду. На листе папоротника поблескивал березовый сок. – Поешь пока. Там на столе еще остались лепешки и чай с фенхелем.

– Можно, я с тобой?

Лавур приземлилась на ноги и присела на кровать возле внучки.

– Нет, малыш. Тебе со мной нельзя. Я буду спокойна, если ты останешься дома.

– Но, Лавур.

– Никаких «но», Лави! – запротестовала Лавур и подняла руку вверх. – С мамой все будет хорошо. Она просто вышла прогуляться. Я найду ее, и мы вместе вернемся. Но ты мне очень поможешь, если останешься здесь. Охраняй наш дом, Лави.

От осознания, что бабушка отвела для нее почетную роль – охранницы дома, в груди приятно потеплело. Лави кивнула и распрямила плечи.

– Вот и славно, – произнесла Лавур и улыбнулась.

Лави осталась совсем одна. Она измаялась и искусала губы до крови. Съела все лепешки и выпила весь чай с фенхелем, которого обычно хватало для всех троих: ее самой, бабушки и мамы. Пялилась в потолок, пыталась уснуть, но снова и снова подходила к прозрачной стене и выглядывала Лавьеру и Лавур.

Наконец малышка сдалась, свернулась калачиком на кровати и уснула.

Сон как рукой сняло, когда в нос проник головокружительный, искушающий запах. Точно такой же запах был в человеческом мире, возле *кондитерских*. В голове девочки пронеслись картинки – те самые тортики и эклеры с заварным кремом, которые она видела через витрину кафе. Какой же все-таки прекрасный этот человеческий мир!

Лави поправила свои волосы – после сна огненно-рыжие кудряшки торчали в разные стороны. Слезла с кровати, крылышки подняли вверх ее худенькое тельце. Она полетела к двери и услышала за ней какой-то шум. Лави обрадовалась! Это мама! Просто она не захотела ее будить! И тут же в голову закралась другая мысль – а вдруг это вовсе не Лавьера?

Мысли кипели в голове, словно горячая вода в котле. Ну, нет же! Кто это еще может быть? Ведь в Ангардории безопасно! Никто бы не проник в их дом, да и кому это нужно?

С восторгом и бушующей внутри радостью, что выплескивалась наружу, Лави ринулась к двери. Та растаяла и пропустила малышку вперед.

От сияющей улыбки на миловидном личике не осталось и следа, когда она увидела на кухне двух женщин. В одной из них Лави узнала Лавур, а во второй – Равни. Лави открыла рот, между рыжими бровками пролегла складка, она искала взглядом маму, но ее здесь не оказалось.

Спина Лавур резко напряглась, Равни тоже почувствовала присутствие девочки. И обе медленно повернулись к ней.

Лави приземлилась на ножки и сжала ручки в кулачки. В воздухе повисло напряжение. Девочка переводила взгляд с Равни на Лавур, ни одна из них не улыбалась, но внезапно взгляд Равни потеплел и уголки губ подлетели вверх. Она сделала осторожный шаг к Лави и протянула руку.

– Мы не хотели будить тебя, дитя.

Лавур тяжело вздохнула, но тут же взяла себя в руки, что-

бы не напугать внучку.

– Хочешь угощение? Твоя бабушка попросила у меня разрешения принести кое-что из человеческого мира.

От слов «человеческого мира» лицо девочки озарилось светом.

– Она рассказала мне о вашем вчерашнем визите туда, – продолжила Равни. – Стоит отметить, Лави, ты – очень храбрая девочка, – ласковым голосом произнесла нильфийка Равновесия.

Равни повернулась к Лави спиной, взяла что-то со стола на подносе из бамбука и протянула Лави.

Девочка уставилась на эклер с заварным кремом, взяла его из рук Равни и с жадностью впилась в него зубами. Пальцы тонули в нежном тесте, а на губах остался заварной крем. Лави зажмурилась от удовольствия и даже замычала, отчего Лавур скривилась.

– Вкусно? – поинтересовалась Равни.

Лави вытерла рот рукой, облизала кончики пальчиков и кивнула.

– Очень! – отозвалась она. И только сейчас осознала, что это – неспроста. Равни разрешала проносить что-либо из человеческого мира только в редких случаях. С чего это вдруг здесь такая вкусотища?

– Дело в том, Лави, что... – вкрадчивым голосом начала говорить Равни.

– Хочешь еще? – перебила ее Лавур. – Простите, Ваше

сиятельство, но еще не время. Я хочу сама преподнести новость своей внучке.

Равни посмотрела на Лавур испепеляющим взглядом. Она ненавидела, когда кто-либо ей перечил. С виду и Лавур, и Равни казались одного возраста. Но по статусу Равни была выше. Все-таки она – правительница Ангардории!

Лавур протянула внучке кусочек шоколадного тортика с аппетитной вишенкой. Лакомство искушало своим запахом и видом, но внутри девочки нарастала тревога от слов обеих нильфик – что-то не здесь ладно.

Лави покачала головой и снова сжала кулачки, сопротивляясь желанию накинуться на лакомство.

– Что случилось? – спросила она тоненьким и практически таким же безжизненным голосочком, какой был и у Оливера.

Лавур наклонилась к внучке и погладила ее по голове. Лави удивленно моргнула – обычно бабушка не выказывала нежностей, особенно в присутствии посторонних.

– Это еще не точно, Лави. И мы все еще не теряем надежды. Но тут такое дело... – Лавур вдруг обняла ее за талию и притянула к себе.

– Твоя мать исчезла из Ангардории, – грубо закончила за нее Равни.

Лави опешила и встала как вкопанная. Вся радость от лакомств испарилась без следа.

Она хотела попятиться назад, но осознала, что бабушка

держит ее еще крепче.

– Может, она в мире людей? – спросила девочка. Внутри нее все сжалось жгутом.

– Мы не знаем, где она. На границе Ангардории и человеческого мира мы нашли вот это, – Равни разжала кулак и показала круглый медальон с красным огненным сердечком внутри.

Этот медальон наделял нильфийку силой, восполнял энергию, когда та уставала. По нему можно было отследить, где находится его хозяйка. Нильфийка не расставалась со своим медальоном. Если его находили где-то, то это лишь означало, что владелицы медальона нет в живых.

У Зависти это был черный медальон с черной кляксой, у Ревности – болотного цвета с грязными разводами, у Тревоги – серый с тусклыми оранжевыми вкраплениями, у Надежды – голубоватый с белыми разводами, у Веры – пурпурный с жемчужинкой в центре, у Гармонии – с жидким голубым огнем, у Счастья – с зеленым клевером, а у Любви – с красным огненным сердечком. У Равни, несмотря на то, что она была нильфийкой Равновесия, медальона и вовсе не было, вместо этого у нее был посох.

Лави перевела ошарашенный взгляд на медальон, в глазах защипало от слез.

– Это не ее! Мама вернется. Она обязательно вернется! – закричала девочка тоненьким голоском и посмотрела на двух нильфиек исподлобья, в глазах блестели слезы. – Вы

плохо искали. Она точно где-то рядом.

Лавур продолжала обнимать девочку, говорила какие-то ласковые слова, гладила по волосам.

– Если в течение недели твоя мама не вернется в Ангардорию, то этот мир для нее будет закрыт. Если она умерла, мы похороним ее по нашим обычаям, а если она сбежала и предала всех нас, то мы ее казним! – спокойным тоном произнесла Равни.

От этих слов девочка вздрогнула, ужас отразился на ее миловидном личике. Маленькое тельце затряслось от безудержных рыданий.

Лавур повернула к Равни недовольное сердитое лицо. «Как можно говорить такие слова ребенку?». Гнев внутри Лавур нарастал стальными копьями, но что она могла сделать? Встретившись с равнодушным взглядом Равни, она протяжно вздохнула и еще крепче прижала к себе внучку.

– Мне жаль, дитя. Но некоторые из нас взрослеют раньше, – грустно произнесла правительница Ангардории. Она направилась к двери и исчезла.

Глава 6. Лави повзрослела

Прошло много лет, а мама так и не вернулась. Лавур старалась унять внутреннюю боль девочки, но получалось у нее слабо. Она воспитывала внучку в строгости и, в отличие от нежной и мягкой мамы, многое не разрешала. С детских лет Лави уже готовилась к Обряду. Наставники забрасывали ее знаниями о мире людей и об Ангардории. Все-таки к Обряду она, хотя бы в общих чертах, должна знать мир людей. Что касается Ангардории, то тут все просто, она же здесь жила. А вот с человеческим миром все обстояло куда сложнее. Столько сложных словечек, разных терминов, понятий – голова шла кругом!

Наставники, с позволения Равни, таскали в дом талмуды и разные книги из библиотеки смертных. Лави каждый день что-нибудь читала, изучала, и это хоть немного отвлекало ее от тоскливых и разъедающих душу мыслей, от дикого одиночества, которое разрывало на части.

С того дня, как исчезла мама, между малышкой и бабушкой что-то изменилось. Они стали ближе. Кроме этого, правительница Ангардории неожиданно стала захаживать к ним домой трижды в неделю. Что нужно было нильфийке Равновесия в их доме, Лави не знала, но снова и снова слышала, как бабушка и Равни о чем-то шепчутся. Эти визиты раздражали девочку до тех пор, пока в ее голове не созрел план.

Лави редко играла с подругами, заваленная стопками книг и домашними заданиями наставниц. Впрочем, она не жаловалась. Но все же она не может самостоятельно отправиться на поиски мамы! А в то, что та жива, девочка ни на мгновение не сомневалась.

И не раз голову осеняла мысль, что Равни и Лавур многое не договаривают. И если бабушка – твердая как орех, то можно зайти со стороны правительницы. Нужно лишь втереться в доверие и невзначай выспросить нужную информацию. По крайней мере, этот совет она нашла в одной из книжонок.

Лави вызвалась помогать Равни в ее дворце, сославшись на то, что у такой сильной и могущественной нильфийки, наверное, много работы в обители, а своих детей и внуков у нее нет. У правительницы Ангардории были слуги, и помощь ей не требовалась. При этом она не была глупа, и сразу раскусила план девочки. Но все же не смогла отказать ей – ведь Лави напоминала Равни саму себя...

И почему бы не впустить ее в свой дворец? Пусть хоть немного отвлечется, быть может, напитает свое любопытство и наконец успокоится! Тем более, что Лавур по-прежнему отлучалась на человеческие земли, а наставницы не всегда приглядывали за девочкой, засыпая в креслах под чтение домашних заданий нильфийки.

Недовольной во всей этой ситуации была лишь Лавур, но, как обычно, она не сказала внучке, что именно ее тревожит.

Лави сидела в обители Равни и до блеска начищала медальоны силы, наблюдая со стороны, как правительница силой мысли зажигает камин. Они вместе проводили обходы, правда, Лави летала над Ангардорией всего лишь три раза, но маму так и не нашла...

Вместе с Равни девочка проверяла защиту, воздушные амулеты и стражников, охраняющих границу. После этих обходов Лави спала как убитая. И больше не из-за усталости, а потому, что не находилось ни малейшего следа мамы.

Иногда девочка спускалась в подземную библиотеку, пытаясь что-то найти. Не может же нильфийка просто так исчезнуть? Как минимум – нашли бы ее тело. А раз его нет, то оставалась надежда! Но, поблуждав между высоченных стеллажей, заваленными какими-то свитками, и начихавшись от пыли, Лави уходила оттуда ни с чем.

Лави заглядывала во все углы, проникла даже в Тронный зал Равни, пытаясь найти там хоть какой-то ответ. Были еще запертые помещения, но открыть их или найти ключ она так и не смогла.

За завтраками Лави пыталась завязать разговор о маме, но Равни тут же прерывала ее и переключала разговор на другую тему. Это тяготило девочку. А потом, когда Равни надоели эти попытки, она отправила девочку обратно. Лави провела в обители Равни, как называли дворец правительницы три месяца, а потом вернулась к бабушке.

Девочка искала другой способ найти маму. Если ее не бы-

ло в Ангардории, значит, она – среди людей! Но заниматься поисками там она могла лишь после прохождения Обряда. Это были муки для маленькой нильфийки. «Ничего, я все равно ее найду!» – думала Лави.

Набравшись сил, она еще больше погрузилась в учебу. Засыпала над волшебными учебниками, сдавала экзамены учителю по имени Знаний, встречала бабушку, а когда та валилась на кровать от усталости, то отправлялась на прогулку по Ангардории, чтобы еще раз все тщательно осмотреть. Но Ангардория была огромной и где искать маму – она не знала. Все же Ищейки были лучшими! И раз уж они не нашли маму, то ее здесь нет. Но лучше делать хоть что-то, чем сидеть, сложа руки!

Глава 7. Прикосновение

В восемнадцать Лави немного изменилась: волосы теперь доставали ей до пояса, но по-прежнему были огненно-рыжими и слегка волнистыми, тело вытянулось, веснушек на носу стало еще больше, а в глазах появилась зелень молодой травы. Светлое легкое свободное платье прикрывало стройное тело и длинные ноги.

Лави смотрела на мамин медальон, висевший у нее на шее. Во время Обряда Равни отдала медальон Лавьеры ее дочери. Зачем изготавливать новый, когда этот лежит без дела?

Дрожащими пальцами Лави прикоснулась к маминому медальону, словно в нем были скрыты все ответы. День за днем в ее памяти вспыхивало такое родное лицо: пронзительные зеленые глаза, теплая улыбка, гладкие рыжие волосы по пояс. Лави зажмурилась, дыхание перехватило, а по щекам потекли слезы.

После Обряда Лави испытала странные чувства: в груди одновременно и холодело, и жгло. Силы как будто стало больше, и одновременно она куда-то исчезала, словно вода, вытекающая из сосуда. Стало даже на мгновение страшно, но как оказалось, это – нормальное состояние после Обряда.

Первое, что удивило ее, как только она стала посвященной нильфийкой – пересечение границы. Все было не так, как в

детстве. В пять лет ей казалось, что происходит какое-то волшебство – когда она приземляется на прозрачный пол перед мерцающей стеной, а потом делает шаг вперед, летит вниз, визжит, и из ее груди вышибает воздух, пока она не взмахнет крылышками. А теперь в этом не было ничего волшебного – контролировать себя стало проще. Она сразу удержалась в заметно прохладном воздухе. Ветер неприятно хлестал ее по щекам.

В мире людей она почувствовала себя своей, словно прожила здесь все свои восемнадцать лет. Возможно, потому, что она была здесь раньше, и здания казались ей знакомыми, как и парки с кафе и ресторанами. Плюс – она хорошо обучилась и теперь многое знала о мире людей.

Последние годы Лавур часто нездоровилось, и она взяла участок поменьше, а свой, с разрешения Равни, отдала Лави.

Лави рассеивала пыльцу там, где это требовалось: в бандитских районах и в малообеспеченных семьях, где супруги поколачивали друг друга, где помещения провонялись спиртным и запахом табака.

Она пролетела мимо того самого парка, в котором увидела те же самые гигантские мыльные пузыри. Опустевшая карусель больше не крутилась. Людей в парке не было, только одинокий старичок с тростью шаркал ногами в пыльных ботинках.

Пузырей здесь тоже больше не было. И запах, доносящийся из кондитерских, больше не впечатлял так, как раньше.

Лавур иногда приносила внучке пирожные и эклеры, чтобы заглушить ее боль, но Лави к ним не притрагивалась. После пропажи мамы все поблекло.

Лави сглотнула ком в горле, когда приближалась к больнице. Воспоминания об исхудавшем мальчике вспыхнули с новой силой – она будто заново проживала прошлое. И тут же ее затопил стыд. С пропажей мамы она совсем забыла о нем, ни разу его не провела, даже не вспоминала о нем. Жив ли он?

Лави оказалась внутри и вдохнула ртом воздух. Уже знакомый запах медикаментов ударил в нос, в воздухе повисли все те же боль и отчаяние. Она направилась в запланированную палату и замерла в воздухе. Там пахло ванилью и корицей – до боли знакомый запах. Лави обернулась и улыбнулась. Это была Надин – нильфийка Надежды. Дверь в палату была открыта, Надин висела в воздухе спиной к Лави. В палате напротив находилась Вера. Две ее подруги, с которыми она дружила с самого детства, тоже были здесь.

Изнемогая от усталости, Лави поплыла в палату Надин. На хрупкой кровати находился громоздкий мужчина. Он лежал на белоснежных простынях, на его лице застыла гримаса неприязни и брезгливости.

Пышечка Надин с густыми русыми волосами, заплетенными в косу, и с темными, как шоколад, глазами пробормотала: – Ну же, Кристофер, давай попробуем еще раз. У нас намечается прогресс.

Лави не видела Кристофера раньше, у нее был другая «цель», как выражались нильфийки, но любопытство пригвоздило ее к месту.

Надин прикоснулась к руке больного. Лави открыла рот и нахмурилась. Прикасаться к людям разрешалось лишь в самых редких случаях, потому что при этом нильфийки теряли много сил. Лави за весь день еще ни к кому не прикоснулась. После пыльцы люди становились добрее, и этого было достаточно.

Кристофер вдруг закрыл глаза и попытался принять сидячее положение. Мышцы на его лице напряглись, лицо побагровело, он сдался и упал обратно на подушки. На его лице проступил пот, он отдышался и сглотнул.

– Да пошло оно все к черту! Ненавижу! – сквозь зубы прошипел он.

Его лицо разгладилось, и только сейчас Лави обратила внимание на его глаза цвета неба, на правильные черты и густые темные волосы. Внешне он был весьма привлекателен.

– Вера, давай сюда! Я не справляюсь! – крикнула Надин. – До чего же вредные люди, – сморщила она свой миниатюрный носик.

«Мда, хорошо, что люди не видят и не слышат нас», – пронеслось в голове Лави. «Хотя, нет. Один все-таки видит, но не всех, а только меня. И это Оливер».

Рассказать об этом бабушке или Равни у Лави язык не повернулся, и она просто похоронила это в памяти. Гляди, еще

накажут за то, что она заговорила с человеком! Возможно, этого Оливера вообще нет среди живых. Но об этом Лави думать не желала, потому что в груди сразу разрасталась боль.

Между бровей Надин пролегла складка. Она снова прикоснулась к руке Кристофера, но он, похоже, не поддавался внушению нильфийки Надежды.

– Вера, ну где ты там? – снова выкрикнула Надин.

В палату вплыла Вера и подмигнула Лави.

Вера была высокой и стройной. Ее светлые волосы, достающие до пояса, казались в Ангардории каким-то чудом света. Они были гладкими, длинными и шелковистыми. Серые, словно серебро, глаза смотрели с теплотой и нежностью.

– Давно ты здесь караулишь? – поинтересовалась она. Надин резко обернулась и улыбнулась.

– Нет, недавно. Прости, что так незаметно подкралась, – она обратилась к Надин и широко зевнула. – Захотелось постоять здесь рядом и отдохнуть.

Подруги одновременно переглянулись и пристально посмотрели на нее.

– Выглядишь ты неважно, – пробормотала Вера. – Ты хорошо спишь?

– Когда как, – честно ответила Лави. – Но думаю, дело не во сне, а в Обряде.

Вера понимающе кивнула. Сама она, как и Надин, прошли Обряд двумя месяцами раньше.

Кристофер застонал в постели, и Вера с Надин поспешили

к нему.

– Понимаешь теперь, почему Равни не ставит нас в тройку? – пробормотала Надин. – Мы же можем болтать часами напролет!

Лави подавила улыбку. Болтать часами напролет могла Надин, но Лави, конечно же, промолчала.

Вера взяла Кристофера за правую руку, Надин – за левую. Полупрозрачные крылья раскинулись в разные стороны. Они обе прикрыли глаза.

Кристофер по-прежнему лежал неподвижно, а потом вдруг расслабился на громоздкой кровати.

Лави взмахнула своими крыльями, подлетела к ним и прикоснулась ладонью ко лбу мужчины. Единственное, чего ей хотелось, – завалиться на кровать, но развернуться и улететь она не могла. Этот человек потерял веру и надежду, пребывал в отчаянье и не желал жить.

В голове снова вспыхнуло воспоминание об Оливере. «Интересно, если он смог разглядеть меня за пылью, то сможет ли кто-то еще?». Вот этого ей почему-то не хотелось! Если люди смогут видеть нильфиек, то ничего хорошего не выйдет. Лавур говорила, что люди жестоки и от них нужно держаться подальше, но как обычно не сказала – почему.

В Ангардории правили строгие порядки: никаких чувств к людям, только исполнение своего долга! Знакомство с человеком означало предательство, любовь к нему вообще каралась смертью.

Лави глубоко вздохнула. Это было ее первое прикосновение к человеку. Сначала ничего не произошло, а потом из ее тела стали утекать силы. Хорошо еще, что Лави на рухнула с грохотом на пол.

На круглом личике Надин расплылась счастливая улыбка.
– Девочки, смотрите! – сказала она так, словно произошло какое-то чудо.

Лави убрала руку со лба мужчины, вздохнула и с трудом открыла глаза. Лицо покрывали капельки пота, под глазами появились темные круги. Ее рыжие брови медленно поползли вверх, когда Кристофер прикрыл глаза. По его щекам потекли слезы, а на лице отразилась решительность. Он втянул носом воздух и попытался встать еще раз. И еще. И еще – до тех пор, пока, усталый и изможденный, не сел на кровати. Темная прядь волос прилипла к потному лбу, а на лице появилась счастливая улыбка.

В этот самый момент в палату вошла медсестра. Ее глаза округлились, она резко развернулась и побежала.

– Ну, все! Думаю, мы здесь больше не нужны. Сейчас медсестра приведет врача.

– Пока, Кристофер. Я проведу тебя завтра! – сказала Надин так, словно Кристофер мог ее слышать, но он лишь тяжело дышал и улыбался. Из глаз бежали слезы облегчения и радости.

Лави улыбнулась измученной улыбкой. Глаза закрывались, она еле держала себя в руках, чтобы от усталости не

свернуться калачиком на кровати Кристофера. Места там было мало даже для него.

– Лави, у тебя еще много «целей» на сегодня? – поинтересовалась Вера.

– Одна, – зевая, сказала Лави.

Надин нахмурилась, подлетела к Лави и приложила ладонь к ее лбу.

– Да ты горишь! Что с тобой?

Лави лишь растерянно уставилась на подругу.

– Ты пользуешься медальоном? – это уже была Вера.

Лави опустила на него глаза и удивилась. Она не активизировала мамин медальон!

Вера взяла ее за руку, пока Лави проводила рукой по медальону. Но ничего не получилось. Тело не слушалось.

– Сосредоточься! – сказала Надин. – Попробуй еще раз.

Лави прислонила к медальону палец и зажмурилась. Она почувствовала резкую боль в пальце, будто в кожу вонзилась игла. Через несколько мгновений по телу потекла сила. Спина нильфийки выгнулась, плечи расправились, дышать стало заметно легче.

Она открыла глаза и увидела улыбающиеся лица подруг.

– Ну вот, другое дело! – сказали одновременно Надин и Вера.

Они поплыли к «цели» Лави. Это была девочка со сломанной рукой. Ее рука была перевязана. В палате сидела мама девочки и гладила дочку по голове. А малышка смотрела на

нее печальными глазами, в которых плескалась вина.

Лави подлетела к ней и посыпала пылью ее макушку. Девочка улыбнулась, ее личико вспыхнуло от незнакомого внутреннего тепла, разливающегося по всему телу. Ей стало так хорошо, что она прижалась к груди мамы, а та обняла дочь с такой теплотой, что у Лави защемило в сердце.

Глава 8. Троица

Три нильфийки сидели на черепичной крыше какого-то заброшенного дома. До возвращения в Ангардорию еще оставалось время. Пышечка Надин развернула бумагу и вгрызлась зубами в гамбургер, от которого струился такой запах, что было невозможно удержаться. Она зажмурилась и жевала с таким аппетитом, словно не ела всю неделю.

Вера сидела рядом и пила через трубочку коктейль с лаймом и мятой. Она поправила на себе свое любимое серое строгое платье, заправила за ухо светлую прядь волос, сделала глоток освежающей жидкости и зажмурилась.

Надин доела гамбургер и облизала пальцы.

– Боже, девочки, как же это вкусно! Ну почему в Ангардории такого нет, а? Почему там такая скука смертная? За вот это, – она кивнула на пустую обертку из-под гамбургера – можно жизнь отдать! Лави, а ты почему не ешь?

Лави бросила равнодушный взгляд на гамбургер, лежавший рядом с ней. Запах искушал, но аппетита совсем не было.

– Бери, если хочешь, мне перехотелось, – сказала Лави.

Надин пожала плечами, взяла гамбургер, развернула бумагу, в которую он был завернут, и с аппетитом откусила крупный кусок. Да так, что подавилась. Лави и Вера похлопали ее по спине.

Надин откашлялась, по щекам побежали слезы. Она подышала, пришла в чувство, перевела взгляд на гамбургер и снова накинута на него так, будто от этого зависела вся ее жизнь.

Вера хмыкнула и отвернулась от Надин. У нильфийки Надежды была большая слабость к еде, особенно к человеческой. Равни запрещала прикасаться к чему-либо в мире людей, но нильфийки нарушали этот запрет. Как можно служить людям и держаться подальше от этих лакомств?

Лави рассматривала черепичные крыши домов смотрела прямо перед собой.

– Что с тобой? – спросила Вера. – Выкладывай, давай!

Вижу, тебя что-то мучает.

– Ага, и не ешь ничего, – ответила Надин и икнула.

Лави пожалала плечами.

– Да особо ничего. Просто это мой первый день. Видимо, перенервничала – вот и все!

– Ну, нам-то ты не заливай! Мы дружим с самого детства, – сказала Надин, запихнув в рот остатки булки с мясом и кусочком соленого огурца.

– Думаю, куда могла пропасть мама?

Надин дожевала остатки еды и задумчиво посмотрела на подругу.

– Думаю, она где-то здесь, – продолжила Лави.

– Где это здесь? – нахмурилась Надин. Догадка осенила пышечку, ее глаза округлились. – Ты хочешь сказать, она в

мире людей?

Лави кивнула.

– Я мечтала отправиться на ее поиски сразу, как попаду в мир людей. Я сюда попала. Но нет никаких сил ее искать.

– Лави грустно вздохнула. – Даже не представляю, с чего начать. Все эти годы я искала ее в Ангардории. Даже обыскала обитель Равни, и ничего...

Вера и Надин снова переглянулись. Видимо, это вошло в привычку.

– Ты... Что сделала? – осторожно переспросила Вера.

Лави вздохнула.

– Ну не может же такого быть, чтобы нильфийка просто исчезла, а ее медальон нашли у границы. Она как будто она сквозь землю провалилась. Если ее нет в Ангардории, то она здесь. Я думала, что ее медальон даст мне хоть какую-то подсказку...

Надин и Вера с сочувствием посмотрели на подругу.

– Что, если она и, правда, мертва? – Лави закрыла глаза. Думать об этом было невыносимо. – Ее нет рядом столько лет, а я по-прежнему думаю, что она просто застряла в мире людей и не успела вернуться в Ангардорию. Что, если она жива, но находится в опасности, и ей нужна помощь, а я просто сижу на этой крыше и теряю время?

Вера отодвинула пустой стаканчик со льдом, присела возле Лави и обняла ее.

– Лави, хватит себя накручивать. Есть вещи, на которые

мы не можем повлиять, понимаешь? Главное, что ты не опускаешь рук. Честно признаться, я бы уже давным-давно сдалась, а ты продолжаешь. Притом, что, даже если Лавьера в опасности, она не даст себя в обиду. Уж кто-кто, а она сможет за себя постоять!

– Точно-точно! – закивала Надин, с грустью поглядывая на пустую обертку гамбургера.

– Надежда всегда есть, Лави, – сказала Вера.

Надин с благодарностью кивнула ей.

– К тому же теперь ты можешь продолжить свои поиски, но уже в мире людей, – продолжила Вера.

– И знаешь, что? – сказала Надин. – Ты только скажи, чем мы можем помочь.

Вера улыбнулась и кивнула.

В глазах Лави защипало от набежавших слез. Она заморгала, но слезы уже потекли по щекам. Все слова застряли комом в горле. Она положила голову на плечо Веры. Надин подвинулась поближе к Лави и обняла ее.

Глава 9. Медальон

Лавур стало хуже: сжало грудную клетку, дыхание было тяжелым. Уставшая после первого дня в мире людей Лави тут же помчалась за целителем. Мрачный старичок в темной мантии дал нужные зелья и прописал домашний режим. «По крайней мере, это не смертельно», – сказал он.

Лави ухаживала за бабушкой, дала ей снадобье, напоила целебным отваром и лежала с ней на одной кровати, пока та не уснула.

– Что-то идет, Лави. Что-то страшное, – в бреду причитала бабушка.

Лави гладила ее по голове и пыталась успокоить, но та выкрикивала одни и те же слова.

Нильфийка взяла со стола целебную успокаивающую мазь, которую целитель наказал втереть в тело, если Лавур не станет лучше. Лави отвинтила крышечку от пухлого пузырька и зачерпнула восковую жидкость, которая наполнила комнату запахом сосновых шишек.

Лавур умолкла, черточки ее лица разгладились. Грудь мерно поднималась и опускалась.

Лави перешла в свою комнату и уставилась в потолок. Так странно – в мире людей она мечтала завалиться на кровать поскорее, а теперь не может уснуть. Она пролежала так несколько часов, а потом неожиданно уснула.

Острая боль в груди мгновенно ее разбудила. Она покосилась туда и ахнула. Боль причинял мамин медальон. Он нагрелся, вспыхивал красным и пылал жаром, словно желал проделать дыру в груди.

Лави моргнула, взяла раскаленный медальон в руку и крепко сжала. Руку обожгло, но девушка продолжала удерживать его в руке, словно так и должно было быть.

В Ангардории взвыла сирена. Лави дернулась, обернулась к прозрачной стене и разжала кулак. Медальон погас. Лави удивленно покосилась на него. Ну и что это было?

Она поспешно взлетела в воздух и полетела в комнату бабушки. Та по-прежнему спала.

Лави только отважилась ее разбудить, как сирена утихла. Нильфийка вернулась в свою комнату. Она подошла к прозрачной стене, чтобы понять, что происходит за стенами дома, но Ангардорию накрыла ночная мгла.

Второй день в мире людей дался Лави легче. Активированный медальон придавал сил, и она чувствовала себя бодрее.

Сегодня на волшебном лоскуте, который проецировался с кулона, был предписан дом престарелых.

Это место что-то перевернуло в груди нильфийки. Как только она оказалась внутри, на нее вновь накатили воспоминания. Почему-то хотелось сбежать так же, как и в тот

день, когда она впервые оказалась в больнице. Страшно! Но едва она оказалась в большой комнате с желтыми в белый цветочек обоями, с паркетным полом, с большим окном, занавешенным белоснежной занавеской – от сердца отлегло. Обстановка казалась домашней и уютной. На большом круглом столе, за которым сидели мужчины в очках и играли в шахматы, стояла ваза, инкрустированная стразами, в ней стояли нежно-розовые пионы.

На продолговатом синем диване сидели три бабульки и что-то громко обсуждали, размахивая руками и хохоча в голос.

Еще одна пожилая женщина сидела в кресле-качалке и вязала спицами свитер. Она казалась сосредоточенной и даже высунула кончик языка, помогая себе продеть петлю.

Внимание Лави привлекла пожилая дама в панамке с пчелками. Она сидела лицом к окну и грустила. На морщинистом лице читалось отчаяние и безысходность, в глазах стояли слезы. Она словно кого-то ждала или скучала по этому человеку.

Лави тут же нахмурилась. В голову сразу прокрались мысли о Лавур. Она осталась дома с целителем, который обещал за ней присмотреть. Он уверял, что у бабушки ничего серьезного, но в таком возрасте уже стоит себя побережь.

Переживания за Лавур взяли верх, и Лави, не раздумывая, приблизилась к старушке в смешной панамке. Позабыв о том, сколько сил она потеряла после прикосновения к Кри-

стоферу, девушка коснулась руки старушки. Сначала ничего не происходило, старушка по-прежнему смотрела перед собой, нахмурившись. А потом она ахнула и прикрыла глаза. По щекам потекли слезы, уголки губ подскочили вверх, на лице застыло выражение блаженства, плечи распрямились.

Лави наградила пыльцой каждого, кто был в комнате, наслаждаясь их улыбками и радостными лицами, а потом отправилась к своим подругам.

За горизонтом садилось солнце. Три нильфийки сидели на черепичной крыше того же самого дома. Лави не слышала своих подруг, сжимала медальон в кулаке и думала о прошлой ночи.

Надин запихивала в рот картошку фри и запивала ее апельсиновым соком. На лице девушки отражался восторг и безудержное счастье. Вера откусила кусочек зефира, прожевала и спросила:

– Слышали, что вчера произошло в Ангардории?

Надин закивала головой, прожевала картошку:

– Ага, мама говорит, что одна из нильфиек не вернулась домой.

Лави нахмурилась и повернулась к Надин.

– С чего ты это взяла?

Надин пожала плечами.

– Ну, не знаю. Просто странно все это! Мама говорит, что такое уже когда-то было. – Лави встретила с глазами Надин и все поняла. Она имеет в виду тот самый случай, когда

Лавьера пропала.

– Ты ее имеешь в виду? Маму?

Надин кивнула и обеспокоенно посмотрела на Лави. Зря она снова заговорила на эту тему. Но ведь не специально!

– Я не помню, чтобы в тот день была сирена, – заговорила Лави. – Ночью к нам домой заявила Равни, вот и все.

– Это так, но до того случая и не было никакой сирены, а потом Равни приказала стражам порядка их установить.

Надин закинула в рот три продолговатые картошки и втянула сок через трубочку. Вера молча слушала и думала о чем-то своем.

– О, я вот о чем подумала, – с набитым ртом произнесла Надин. – Я тут стащила из книжного кое-что...

Надин вытащила из-под платья тонкую книжонку в мягком переплете.

Вера удивленно посмотрела на Надин, ее брови поползли вверх. Читать пышечка не любила, это знали все в Ангардории. Она считала это скукой смертной!

– Зачем? – спросила Вера.

– Ну как же? Мы обещали Лави помочь найти ее маму. Забыла, что ли?

– Конечно, нет, – ее подруга нахмурилась. – Только совершенно не понимаю, как нам это поможет.

– Я стащила детектив, между прочим. В нем ищут пропавшую девушку. Исчезла, и все! Никто ее не видел и не слышал о ней. Улавливаешь суть, а?

Лави посмотрела на книжку и взяла ее в руки. Книга в мягком переплете, страниц немного, а от мелкого шрифта быстро заболели глаза. И ни одной картинки, как в ее детских книжках.

– Ты знаешь человеческий язык? – удивленно спросила Вера.

Лави прикусила язык. Она тоже знала язык людей. Не все, конечно, только то, что могло ей пригодиться в человеческом мире и для поиска мамы. Но говорить об этом она не стала.

– Конечно! Мама обучила меня ему. Ну, так, на всякий случай. Не забывайте, девочки, что я из семьи нильфиек Надежды. Мы заглядываем в будущее, просчитываем шаги наперед. Бабка Нэд говорит, что однажды люди и нильфийки будут жить вместе. Так почему бы не подстраховаться?

Лави посмотрела на Веру. Обе подавили улыбки.

– То есть ты думаешь, что мы прочитаем эту книжку и найдем Лавьеру? – продолжила Вера.

– А что тут думать-то? Конечно, найдем, – вполне серьезным тоном ответила Надин. – Вот ты, Лави, что помнишь о том дне?

– В каком смысле?

– Ну, не заподозрила ли ты чего-нибудь? Может, Лавьера нервничала или хотела что-то тебе сказать?

Лави на миг растерялась, припоминая события того дня.

– Она не хотела, чтобы Лавур брала меня с собой в мир

людей. Они спорили о чем-то, ругались. Лавур еще сказала, что мама была сама не своя.

– Вот видите! – восторженно произнесла Надин. – Я же говорю: книжка – драгоценность! – Надин погладила мягкую обложку.

– Ну, и дальше что, сыщик? – спросила Вера.

– А что-что? Не знаю пока. Дочитаю до конца и скажу.

Лави вздохнула.

Вера взяла книжку из рук Надин.

– И когда ты только успела ее стащить?

– Когда-когда? – проворчала пышечка. – Пока ты возилась в больнице. Кстати, Кристоферу уже лучше. Врачи говорят, что случилось чудо, и он идет на поправку. Вот так вот! Эх, боюсь, я больше его не увижу. Привязалась я к нему!

– Надеюсь, ты понимаешь, что брать ее в Ангардорию нельзя! Впрочем, как и воровать! И, Надин, книжку надо вернуть обратно!

– Да знаю я! Прямо сейчас верну ее обратно в магазин, а завтра возьму и дочитаю. – Надин развернулась к Лави – А ты вспомни еще какие-то детали. Это важно для дела.

– Всенепременно! – ответила Лави, подавив улыбку. Она прикусила губу, чтобы не рассмеяться и не кинуться подруге на шею. Ее подруга детства выглядела забавно, строя из себя детектива.

Лави невольно прикоснулась к медальону и тут же стала серьезной. Все-таки была одна деталь, которая как-то могла

быть связана с мамой, но говорить о ней подругам она не стала.

Как можно кому-то признаться, что медальон неожиданно вспыхнул на груди, и после этого взвыла сирена?! Связано ли это как-то между собой? Для начала нужно самой во всем разобраться.

Надин протяжно вздохнула, бросила печальный взгляд на книгу, взмыла в воздух и исчезла из поля зрения.

– Книжку полетела возвращать, – произнесла Вера. – Все-таки смешная она у нас, согласись?

Лави удивленно посмотрела на Веру. Из них троих Вера была самой немногословной и собранной. А, помимо того, и красавицей.

– И, Лави, – Вера взяла подругу за руку. – Я верю, что твоя мама жива.

Лави уставилась перед собой, в горле застряли все слова. Глаза увлажнились от слез, но она моргнула, и они исчезли.

– А вот и я! – сказала Надин и плюхнулась рядом с Верой. – О чем шепчетесь?

Не успели они произнести и слова, как все три медальона засияли небесным светом.

– Равни вызывает! – спохватилась Вера. – Скорее!

Глава 10. Собрание

Нильфийки Ангардории собрались на том самом месте, где обычно происходил Обряд. Светлое небо стало пурпурно-оранжевым перед тем, как Ангардория погрузится в сон. Лави приземлилась на ноги на воздушную массу. Обвела глазами толпу. Здесь собрались все: взрослые женщины, старухи с седыми космами и малыши, жавшиеся к мамам. Нильфов-мужчин здесь не было, на собраниях они не присутствовали. И это была еще одна загадка, которая не укладывалась в голове.

Нильфийки Зависти стояли с прямыми осанками и приподнятыми подбородками. Нильфийки Тревоги, как и всегда, жались друг другу, сутулились и кусали губы. Они постоянно нервничали, поправляли платья и накручивали других. Нильфийки Ревности держались за руки, иногда гладили друг друга по волосам и с улыбкой что-то шептали друг другу.

Равни появилась из ниоткуда. В правой руке сиял, словно усыпанный бриллиантами, белоснежный посох. На лице – ни единой эмоции. Она обвела взглядом толпу, встречаясь взглядом с каждой нильфийкой.

– Я собрала вас здесь, чтобы предупредить и обезопасить, потому что вы все – моя семья. – Она произносила каждое слово спокойно, будто говорила о погоде. – Прошлой ночью

кто-то проник в Ангардорию.

Троица находилась в центре событий. Надин, стоявшая слева от Лави, открыла рот и нахмурилась. Вера внимательно смотрела на Равни, думая, что та пошутила. Но все было более чем серьезно.

Остальные нильфийки по-разному отреагировали на эту новость: кто-то поджал губы, кто-то ахнул и прикрыл ладонью рот, а кто-то просто слушал, не выказывая никаких эмоций.

– Стражи Ангардории ищут преступника. Мы полагаем, что это человек.

По толпе пробежал шепот вперемешку с возмущением и удивлением. Надин еле устояла на ногах и чуть было не упала в обморок, но Лави и Вера подхватили ее с двух сторон. Надин побледнела и перепугано смотрела перед собой.

«Все будет хорошо», – прошептала Лави ей на ухо.

– Если кто-то из вас найдет преступника, тут же сдайте его мне! – громко произнесла Равни.

– Что с ним будет? – спросила нильфийка Тревоги.

– Я верну его обратно в мир людей, – ответила Равни.

Лави снова обвела глазами толпу, и из ее груди вышибло воздух. Здесь была Лавур. «Разве она не должна лежать в постели?».

Лавур казалась вполне здоровой, на ее щеках проступил румянец. Целителя рядом с ней не было, и это было странным. Она надела свое любимое бирюзовое платье, на грудь

нацепила украшение из жемчужинок и медальон силы.

Бабушка внимательно слушала нильфийку Равновесия и не сводила с нее глаз. Сжала руки в кулаки, схватилась за украшение из жемчужинок и теребила его.

«Неужели она нервничает?» – пронеслось в голове у Лави. Но эта мысль сразу сменилась другой: «В этом нет ничего удивительного. Сейчас все нильфийки нервничают. Ну, практически все! Ведь еще ни разу в Ангардорию не проник человек!».

Миг – и шею снова что-то обожгло. Лави мгновенно опустила глаза на грудь. Ужас пригвоздил ее к месту, когда она увидела, что медальон снова вспыхнул. Лави взяла его и крепко сжала в кулаке.

– Что с тобой? – прошептала Надин. – Теперь тебе плохо? Ну и новости, скажи?

Лави хотела покачать головой и ответить, что все в порядке, но не смогла. Она не дышала в ту минуту, когда несколько десятков глаз уставились на нее. Не дышала и тогда, когда Равни оттолкнулась ногами от зефирного облачка, взмахнула крыльями и направилась к ней. Лави сглотнула ком в горле. Что, если это мама так подает ей знак? Нельзя, чтобы пылающий медальон увидел хоть кто-то, особенно Равни!

Правительница Ангардории оказалась в двух шагах от нее. Краем глаза Лави увидела, что Лавур прожигает внуку взглядом и поджимает губы.

– Что там у тебя, Лави? Что ты прячешь? – поинтересо-

валась Равни.

Лави крепче сжала в руке медальон. По спине пробежал пот.

– Разожми кулак! – приказала правительница Ангардории.

Лави втянула носом воздух. «Все хорошо! Ничего плохого не произошло! Я просто скажу все как есть!».

Надин и Вера переводили взгляд с подруги на правительницу Ангардории и обратно.

Лави разжала кулак, в котором был зажат медальон. Равни внимательно посмотрела на него. Ни удивления, ни злобы не отразилось на ее лице. Ничего, кроме скуки и полного спокойствия. Лави еле держалась, чтобы не закричать от боли. Как же дико горячо!

Равни прикоснулась пальцами к медальону, сжала в своем кулаке и закрыла глаза. В этот момент сердце Лави ушло в пятки. Равни подержала медальон в руке, резко развернулась и полетела обратно к своему зефирному облачку.

Лави вздохнула с облегчением, но тут же ощутила такой страх, что у нее задрожали колени. И, кажется, Равни это почувствовала.

– Все свободны! Всем разойтись! – произнесла правительница, как ни в чем не бывало.

Толпа рассосалась, нильфийки полетели к своим домам. Все, кроме Надин и Веры. Лавур уже приближалась к троице, ее брови сошлись на переносице. Поджатые губы и на-

хмуренные брови говорили о ее недовольстве, а бледное лицо – о страхе.

Лави перевела взгляд на медальон. Он по-прежнему пылал. Почувствовала ли это Равни? Почему она ничего не сказала? Неужели он ее не обжег?

Боль уступила место приятному теплу в груди.

– Ты чего? – шепотом спросила Надин.

– Что ты видишь? – тихо спросила в ответ Лави.

– Где? – нахмурилась нильфийка Надежды.

– Медальон. Каким ты его видишь?

– Ну, каким-каким... Чересчур ярким. Сердечко это странное. Глупость редкостная! Нет, не нравится мне ваш медальон. Вот у нильфиек Надежды – я понимаю! Цвет более спокойный и приятный.

Вера насторожилась, когда посмотрела на Лави:

– Лави, ты побледнела. Может, расскажешь, что случилось?

– Ты тоже ничего не видишь? – в панике прошептала Лави.

– Да что мы должны увидеть? – в сердцах выкрикнула Надин и покосилась вправо, чтобы убедиться, что на нее никто не смотрит. Вдали она увидела свою маму и бабушку, которые о чем-то шептались, не глядя в их сторону, и тут же взяла себя в руки.

– Какой медальон? Он обычный или стал ярче?

Обе нильфийки внимательно присмотрелись к медальо-

ну.

– Да такой же, как всегда! – нахмурившись, произнесла белокурая красавица. – А что?

Лави облегченно выдохнула и прикрыла глаза.

– Ничего, все в порядке. Никак не привыкну к миру людей. Сплю плохо. Вот и мерещится всякое...

Подруги переглянулись и по-прежнему с опаской смотрели на Лави.

– Разве Равни не приказала расходиться? – произнесла Лавур, сводя брови на переносице.

Нильфийки поздоровались с Лавур, извинились, попрощались с Лави и двинулись к своим семьям.

Глава 11. Шкатулка

Лавур вела себя странно. Она выглядела растерянной, пролила на себя чай с фенхелем, вместо лепешки взяла со стола салфетку. Потом, конечно, выплюнула и чертыхнулась, совсем как человек, но Лави косилась на бабушку весь вечер и ждала хоть каких-то объяснений.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Лави обеспокоенным голосом.

Ответа не последовало.

– Лавур? – окликнула ее Лави, и бабушка, наконец, подняла на нее глаза.

– Ты что-то сказала?

– Сказала. Как ты себя чувствуешь? Тебе уже лучше?

– А это, – Лавур отмахнулась. – Ничего серьезного. В моем возрасте это в порядке вещей. Целитель прописал больше отдыхать и спать.

Лави не стала спрашивать у бабушки, почему она вышла из дома вместо того, чтобы отдыхать. Это еще сильнее разозлило бы Лавур, зная ее нрав.

– Тогда что тебя беспокоит?

– А с чего ты взяла, что меня что-то беспокоит? – возмутилась Лавур и тут же успокоилась. Лави наклонила голову набок.

– Ну ладно, что уж тут скрывать. Все равно уже пришло

время. Меня действительно кое-что тревожит.

Лави подвинулась к ней поближе.

– Твой медальон, – обеспокоенным голосом произнесла Лавур. – Когда он загорелся?

Лави побледнела и сглотнула ком в горле.

– Хочешь сказать, что ты тоже это видела?

– Еще бы! Он пылал ярче солнца! Так когда это случилось?

– Вчера ночью, когда я спала. Он разбудил меня, а потом в Ангардории взвыла сирена.

Лавур задумалась.

– То есть там, среди нильфиек, это случилось во второй раз?

– Да. А что? – недоверчиво ответила Лави, покосившись на бабушку. – Ты знаешь, что это все значит?

– Не знаю, – тихо ответила Лавур. – Но думаю, это как-то связано с твоей мамой. И странно, что он погас, как только мы переступили порог дома.

Внутри Лави вспыхнула надежда.

– Хочешь сказать, она жива? – прошептала Лави, словно кто-то мог их услышать.

– Не знаю. Но не нравится мне все это. И, на наше счастье, Равни ничего не увидела, как и все остальные.

– Ты уверена? Ну, что она и правда ничего не увидела?

– Конечно! Она бы уже забрала у тебя медальон и устроила допрос!

– То есть ты хочешь сказать, что это видим только мы?

– Похоже, так. Похоже, так, – пробормотала Лавур. – И, думается мне, что это послание, дитя мое.

Лави покосилась на медальон. Сейчас он был обычным.

– Послание? Что-то не похоже.

– Думаю, настало время показать тебе это!

Лавур встала со стула, взмахнула крыльями и полетела в комнату Лави.

Лави ошарашенно уставилась на нее.

Она догнала бабушку и прыснула, когда увидела, как из-под ее кровати торчат бабушкины ноги.

Лавур достала из-под кровати пыльную шкатулку, с которой Лави не сводила глаз, удивляясь, как за все эти годы не нашла ее у себя под кроватью. Замка на шкатулке не было, но она была плотно закрыта.

– Лавьера скрыла ее от тебя. Не хотела, чтобы ты нашла эту вещь раньше времени, – сказала Лавур, словно прочитав мысли внучки.

Лавур зажмурилась, сидя на полу, и скорчилась от боли. Ей снова нездоровилось.

– Не делай резких движений. Побереги себя. Я сама все достану, если нужно, – обеспокоенно произнесла Лави.

Лави приземлилась на ноги, кинулась к бабушке и помогла той подняться. Уложила ее на кровать, устроилась рядом и обняла.

Но Лавур словно не слышала внучку. Она указала вялой

рукой на шкатулку, оставшуюся на полу.

– Это принадлежало твоей матери. Возьми ее.

Лави встала с кровати, взяла шкатулку с пола. Небольшая по размеру, с какими-то закорючками и символами, она была выкрашена зеленой краской, уже облупившейся от времени.

– Подожди! Откроешь ее одна. Если будут вопросы, задавай. Но думаю, вопросов быть не должно.

Бабушка кое-как встала с кровати, отмахиваясь от помощи Лави и бормоча себе под нос, что беспокойство внучки загонит ее в могилу. Лави ошарашено смотрела в спину бабушки и была готова в любую секунду сорваться с места и помочь ей дойти до кровати.

За дверью скрипнула кровать. Значит, бабушка улеглась спать! Лави хотела отправиться вслед за ней и укрыть ее легким, как пушинка, теплым и уютным покрывалом, но перевела взгляд на шкатулку и все мысли вылетели из головы.

Дрожащими руками девушка прикоснулась к шкатулке, набрала полную грудь воздуха и только отважилась открыть крышку, как грудь снова обожгло болью. «Хорошо, что на телах нильфиек не остается следов от медальонов. Ни ушибов, ни синяков, ни ожогов», – подумала она.

От обжигающей боли Лави вздрогнула. Шкатулка упала на пол, но не открылась. Лави хотела поднять ее, но медальон засиял так ярко, что она прикрыла глаза рукой от этого яркого света.

Из головы вылетели все мысли. Стало тяжело дышать.

Она подняла руку, чтобы схватить медальон, но тело словно превратилось в камень и не слушалось. Миг – и она провалилась в сон.

Глава 12. Ловушка

Ее разбудила знакомая боль в груди. Лави открыла глаза и уставилась на медальон. От него в разные стороны расходились солнечные лучи. Яркий свет заливал комнату. Значит, уже ночь. Сколько же она проспала? Девушка покосилась на закрытую шкатулку, лежавшую на кровати, и снова перевела взгляд на медальон. Надо поскорее спрятать его, пока никто не увидел странное сияние через прозрачную стену!

Медальон был таким горячим, что она обмотала руку покрывалом и прикоснулась к нему.

– Мама, это ты? – прошептала Лави, обращаясь к медальону. Ответа не последовало.

Она нахмурилась. Если это действительно послание, как сказала Лавур, то как его расшифровать? Медальон становился еще горячее. Зеленые глаза на миловидном личике девушки округлились. В голову закралась безумная мысль: «Выйти прочь из дома!».

По спине пробежал пот, тело моментально нагрелось, стало нечем дышать от резкой духоты. Лави взмахнула крыльями и полетела к входной двери через комнату Лавур. Бабушка спала и похрапывала во сне.

Лави приближалась к входной двери и заметила, что медальон стал прохладнее. Она облегченно выдохнула. Неужели это и есть послание? Нильфийка приблизилась к входной

двери. Все двери в Ангардории таяли, как только к ним приближался хозяин дома, в отличие от дверей в мире людей. Миг – и Лави вылетела из дома.

В Ангардории было тепло, темно и очень тихо. Впрочем, здесь и днем было не слишком шумно, как в мире людей. Здесь не было ни парков с каруселями, ни мыльных пузырей, ни мороженого на палочке. И, правда, – скука смертная, как выразилась Надин!

Лави удивилась своим мыслям. Что это на нее нашло?

Медальон сиял, но уже не обжигал кожу, как раньше. Наоборот, приятно охлаждал кожу. А потом в глазах Лави потемнело, и она начала задыхаться.

Лави открыла глаза и уставилась на серое в цветочек покрывало. На щеке отпечатался узор, из открытого рта текла слюна. Она попыталась перевернуться и застонала. Приложила руку к раскалывающейся голове. Никогда еще ей не приходилась испытывать острую головную боль. Тем более, такую сильную!

– Воды? – послышался рядом голос с хрипотцой.

Лави напряглась, приподнялась на локтях и уставилась на мужчину средних лет. Шрам на левой щеке, ожесточенные черты лица, серые глаза без малейшего тепла...

Лави не сводила с него глаз.

Мужчина поднялся с плетеного кресла. Роста он был

невысокого, но что-то в нем настораживало. Он подошел к комоду, на котором стоял графин с водой. Налил воды в стеклянный стакан и таким же неспешным шагом подошел к Лави.

Она покосилась на его руку.

– Вот, держи.

Лави молча взяла в руки стакан и оценила обстановку. Это точно не Ангардория, она не связана, ее не пытаются. Уже не плохо!

– Пей, тебе полегчает.

Она поднесла стакан ко рту, приняухалась. Никаких отличительных запахов. Похоже, и, правда, обычная вода.

– Это просто вода. Она не отравленная, – спокойным тоном произнес незнакомец. – У меня нет цели тебя убивать.

Лави сделала глоток. Затем еще один. И еще. Как же ей хотелось пить! Жадными глотками допила все до последней капли. Головная боль отступала, сил в теле стало больше.

– Что со мной? Что вы мне вкололи? – произнесла Лави и удивилась своему охрипшему голосу.

– Ничего.

– Как это «ничего»? Тогда почему у меня так раскалывается голова?

– Ты забегаешь наперед.

«Какой-то он неразговорчивый», – пронеслось у нее в голове.

– Где я?

– В моем доме, – ответил незнакомец.

– И где находится ваш дом?

– Точно не в Ангардории, – улыбнулся незнакомец. Но эта улыбка больше походила на оскал.

Лави напряглась. Перед ней явно стоит человек, судя по его внешнему виду и одежде. Он ее видит и знает про Ангардорию!

Незнакомец подошел к ней, забрал пустой стакан, налил в него воду, подошел к кровати и поставил его на кровать. Лави снова охотно взяла его в руки и сделала жадный глоток. Пить хотелось невыносимо. Она никогда не испытывала такой жажды!

– Почему я здесь?

– Пей и не задавай вопросов!

– Меня будут искать!

– Знаю. Потому и выкрал тебя.

– Выкрал? Зачем?

– Ты – моя гарантия.

– Я – что?

В комнату вошел еще кто-то, и Лави напряглась сильнее.

Вошедший выглядел как цепной пес. Лицо – смуглое, покрытое трехдневной щетиной, глаза – цвета пепла, волосы спутаны.

– Глир, разве я разрешал тебе входить? – гаркнул вошедший.

Лави переводила взгляды с одного на другого, не понимая,

что происходит.

Второй человек с темными глазами явно разозлился, но поспешно взял себя в руки, извинился сквозь зубы и вышел из комнаты. Только сейчас Лави оценила обстановку. Маленькая комнатуха с кроватью, на которой она сидела, комодом и креслом, стены из бревен, низкий потолок, деревянные половицы.

– Тебе не стоит меня бояться. Ни я, ни мои головорезы не причинят тебе вреда.

– Голово... Что?

– Не бери в голову!

Эта фраза разозлила Лави. С самого детства вокруг нее витали тайны. Ни мама, ни бабушка ничего не говорили, кроме того, что она все узнает, когда вырастет. И этот туда же! Только теперь она уже взрослая и имеет право все знать!

– Ну, нет уж! Почему вы меня выкрали? Зачем я вам?

– Скоро узнаешь, птичка.

– Кто вы? Почему вы меня видите? Люди не видят нас!

Незнакомец неожиданно рассмеялся.

– Люди не видят, да. Неужели ты ничего о нас не знаешь, Лави?

– Вы знаете мое имя?

– Конечно, знаю! – Он потер ладонями лицо. – Они, что же, стирают вам память?

– Кто? – растерялась Лави.

– Ты никогда не задумывалась, почему в Ангардории так

мало нильфиек и нильфов? А кто твой отец, никогда не задумывалась?

Лави открыла и тут же закрыла рот.

– Неужели вы мой...

– Нет, я не твой отец, – снова рассмеялся незнакомец.

– Но хочу вернуться домой, к которому меня не подпускает эта старая карга.

– Карга? – Лави слышала это слово впервые.

– Карга, которую вы зовете Равни. В общем так, Лави. Ты сможешь мне! А вот это, – он разжал кулак, в котором был ее медальон, – ты получишь, когда выполнишь то, о чем я тебя прошу.

Лави покосилась на свою грудь, где больше не было медальона.

Она присмотрелась к мужчине внимательнее. Коренастый, широкоплечий. Она не нашла в нем ни единого сходства с нильфами.

– Чего вы от меня хотите?

– Ничего такого, чего ты не могла бы сделать, – он хмыкнул. – И, кстати, зови меня Калиф.

Глава 13. Опасность

Калиф принес Лави мясо и салат, чтобы она подкрепи-лась. Салат она умяла сразу, а запах мяса почему-то вызвал рвотный рефлекс. Неожиданно для себя девушка уснула, свернувшись калачиком, а когда проснулась, в комнате уже никого не было. Она повернула голову в сторону окошка и с ужасом осознала, что уже день. Если она не вернется в Ангардорию в течение трех дней, ее сочтут мертвой и обратного пути домой уже не будет! А как же Лавур? Кто за ней присмотрит?

Лави коснулась ногами пола. Спине было так непривычно легко, что девушка оглянулась и с ужасом осознала, что у нее нет крыльев. Страх захлестнул ее с головы до ног. Ноги налились тяжестью, в груди кольнуло, голова закружилась.

Эмоции переполняли через край: смятение, страх, ужас и паника сплелись в единое целое.

«Это точно была вода?» – пролетело у нее в мыслях.

Лави втянула носом воздух, сжала кулаки и подышала. Она закрыла глаза и постояла так какое-то время, чтобы успокоиться. Обошла комнату, выдвинула ящички комода, чтобы проверить, не засунул ли Калиф медальон в один из ящичков. Но в них было пусто. Она обвела глазами комнату, перевела взгляд на окно. Как она его сразу не заметила? Вот же он, выход! Только как она сбежит без медальона? Пере-

сечь границу можно без него, но уйти она не сможет по трем причинам: во-первых, Равни сразу увидит, что на ней нет медальона силы, в мире людей без него она быстро истощится, и, наконец, это мамин медальон и, похоже, она шлет через него подсказки! Так что надо вернуть его любой ценой!

Лави мысленно боролась сама с собой, прокручивала мысли в голове. А потом вспомнила этого цепного пса по имени Глир, жуткого Калифа, и решительно подошла к окну.

Дверь скрипнула, в комнату вошел Калиф.

Он увидел Лави, стоящую возле окна, и сложил руки на груди.

– Даже не мечтай, птичка. Ты отсюда не выберешься, – произнес он. – Повторяю, Лави, ты уйдешь отсюда только тогда, когда поможешь мне и моей семье!

– Семье? – нахмурилась нильфийка.

Калиф решил не отвечать любопытной пленнице.

Лави втянула носом воздух.

– Почему у меня нет крыльев? Что со мной?

– Неужели она не рассказала?

Лави растеряно уставилась на мужчину.

– Значит, скоро сама все узнаешь!

– Нет, не скоро! Я хочу узнать все прямо сейчас!

– Надо же... Вроде уже взрослая, а ведешь себя как ребенок!

Лави прищурилась и обвела глазами комнату в поисках чего-то тяжелого, но кроме мебели здесь больше ничего не

было. Только пустая тарелка, стоявшая на тумбе. Калиф проследил за взглядом девушки, быстро оказался возле тумбы, забрал тарелку.

– Ты зря теряешь время, не находишь? Насколько я помню, если ты не вернешься вовремя, старая карга решит, что ты – без вести пропавшая.

На языке Лави крутились ругательства, которые она услышала в мире людей, она с трудом удержалась от них.

– Так уж вышло, что ты единственная, кто отозвался на мой призыв.

Глаза Лави округлились, ей не хватало воздуха.

– То есть как это? – ахнула она. – Тот медальон...

– Да, это сделал я.

Лави стояла на месте и не могла пошевелиться. Она так надеялась, что это мама подает ей знак, а это был безумец, который пугал ее. Кто знает, что у него на уме?

– Да расслабься ты!

– Как у вас это получилось?

– Пошли со мной и все узнаешь.

Калиф резко развернулся и направился к двери, а Лави, не в силах пошевелиться, стояла как истукан.

– Второй раз не повторяю! – крикнул Калиф, и Лави поспешила следом за ним.

Ступать по половицам было непривычно. Она и в Ангардории никогда не носила обуви, но пол всегда казался воздушным и приятно мягким, а здесь он был твердым и непри-

вычным.

Калиф ускорил шаг, кивнул тому самому цепному псу. Глир встал с плетеного кресла, сложил газету, которую читал, и положил ее на кресло. Он кивнул Лави в знак приветствия, но смотрел на нее по-прежнему колючим взглядом, и нильфийка поспешно отвернулась.

И Калиф, и Глир были такими громилами по сравнению с ней, что девушке стало страшно. Она обняла себя руками, словно могла защититься. Посмотрела за спину и печально выдохнула. Как же она теперь без крыльев?

Калиф подошел к входной двери, потянул ручку на себя.

– Подойди, – кинул он ей.

Лави робко шагнула вперед.

– Да сколько раз мне повторять, что я тебе не враг?! Смелее! Я тебе кое-что покажу. Нам – туда.

Лави втянула носом воздух, сжала кулаки и подошла к Калифу. Она ахнула, когда увидела, куда он указал.

Это был яростный и могучий водопад, которому не было ни конца, ни края. Он что, шутит?

Пока Лави приходила в себя, Глир осторожно отодвинул ее в сторону и шагнул вниз.

Лави ошарашено смотрела, как громила со сложенными на груди руками спокойно летит вниз и исчезает в бурных водах.

– Теперь твоя очередь.

Лави сглотнула ком в горле.

– Не дрейфь! Мда уж, не знал, что нильфийки такие трусихи! – сквозь зубы процедил Калиф. – Ты – бессмертная, чего тебе бояться?

Лави зацепило это «трусиха». Хотя, по правде сказать, так оно и было. Вот мама всегда была смелой, а она? От мыслей о маме в груди снова кольнуло. Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох... Наконец обида отпустила, и Лави снова смогла здраво мыслить.

– Я вам не доверяю. Откуда я знаю, что вы задумали? Может, решили избавиться от меня, а сами отправитесь обратно в Ангардорию?

Взгляд Калифа помрачнел. Он вздохнул.

– Давай руку, раз мне не веришь! Прыгнем вместе! – Он протянул Лави ладонь, но девушка покачала головой.

Если она к нему прикоснется, то вся ее сила перетечет к нему. Ну, уж нет!

Неожиданно Калиф взял ее за локоть, крепко стиснул его и прыгнул вниз, потянув опешившую девушку за собой.

Лави закричала от ужаса. Без крыльев она чувствовала себя немощной, словно в чужом теле! Она зажмурилась и полетела камнем вниз. А потом в один момент ее кто-то подхватил. Или ей так показалось? С зажмуренными глазами Лави осознала, что ее тело погрузилось в теплую воду, а платье неприятно прилипло к телу.

Лави открыла глаза и восторженно ахнула. Она находилась в каком-то бассейне с изумрудной водой. Бассейн –

небольшой и неглубокий, вдвоем здесь и то было тесно, но как же здесь хорошо!

Вода впитывала в себя всю тревогу, страхи и придавала сил. «Что же получается: это место как тот медальон, который каждая нильфийка получает после Обряда?». Но Лави тут же отпустила все мысли. Какая, собственно, разница?! Над головой светило яркое солнце. Мягкие лучи нежно и ласково касались кожи, словно приветствуя нильфийку в этом удивительном месте.

Она повернула голову – в соседнем бассейне находился Калиф. Он откинул голову на бортик и улыбался с зажмуренными глазами. Его рубашка пропиталась водой. Глир находился впереди, через три бассейна. Лави видела лишь его затылок, но точно знала, что это он. Бассейнам не было конца, и все они, кроме тех, где отдыхали трое прибывших, одиноко пустовали. Лави удивленно смотрела перед собой. Интересно, где остальные? И что это за место?

В какой-то момент ей надоело здесь лежать. Впрочем, как и Калифу. Он поднялся на ноги и вышел из бассейна. Вода стекала с его волос и одежды, на земле образовалась лужа.

– Вставай, – сказал он спокойным голосом, даже не глядя на нее.

Лави удивленно посмотрела на Калифа. Тот ли это человек, с которым она прыгнула вниз, в водопад? Черты его лица разгладились, и мужчина стал выглядеть моложе, на его губах играла нежная улыбка, выражение глаз смягчилось.

Глир подошел к нему и встал рядом, сложив руки на груди и ожидая нильфийку. Лави встала в полный рост и осмотрела себя. Платье неприлично просвечивалось. Ойкнув, она прикрылась руками и опустила голову. Ее щеки пылали от стыда. Но ни Калиф, ни Глир на нее не смотрели. Стоило девушке подойти к мужчинам, как солнце стало сиять ярче.

Вокруг цвели деревья. Зеленые молодые листочки с нежными пурпурными, кроваво-красными, огненными и белыми цветами... А запах стоял такой, что Лави невольно вспомнила те самые эклеры с заварным кремом. Вдали находилась клумба с гортензиями, тюльпанами, пионами и розами. На деревьях сидели и пели птицы, да так, что Лави улыбнулась. Она закрыла глаза и наслаждалась этим мгновением. В Ангардории не было посторонних звуков, кроме сирены и горна. Здесь же был какой-то рай. И в ее голову закралась мысль, что она хочет остаться в этом месте навсегда.

– Нравится? – спросил Калиф.

Лави невольно кивнула.

– Пошли, нам уже пора.

Она хотела спросить – куда, но снова отвлеклась на приятный щебет птиц.

Они шли мимо бассейнов, которым, казалось, нет ни конца, ни края. Наткнулись на фонтан, где каменным изваянием застыла прекрасная девушка с короткими волосами и с большим лиловым цветком на голове. В руках она держала два кувшина.

Лави не знала, как долго длился их путь, но, судя по усталости в ногах, пора бы уже и передохнуть. Или это с непривычки? В Ангардории она мало ходила – крылья выручали! Лави вздохнула при воспоминании о них. Что этот Калиф с ней сделал? Вернет ли он ей крылья?

Девушка засмотрелась на высокую гору и во что-то врезалась. Ойкнув, Лави моргнула и поняла, что это спина Глира – крепкая, массивная и широкая.

Невнятно пробормотав извинение, она широко открытыми глазами уставилась на пещеру.

Калиф вошел туда первым, за ним – Глир.

– Иди за нами! – крикнул Калиф.

Лави осмотрела небольшую пещеру, сжала кулаки, набрала полную грудь воздуха, чтобы успокоиться и вошла внутрь.

Было так темно, словно стояла ночь. Но сейчас был день, она это точно знала!

– Где это мы? – робко спросила Лави.

– Сейчас узнаешь. Не торопи события!

– Куда идти хотя бы? Я же совсем ничего не вижу!

– Стой на месте!

Лави замерла и услышала, как колотится ее сердце.

Мягкий жемчужный свет заплясал на каменных стенах. Он ускользал, и Лави поняла, что нужно идти за этим светом.

– Стой на месте! – резко сказал Калиф.

Лави обернулась на его окрик. Жемчужный свет исчез, а Калифа и Глира по-прежнему не было видно.

Стоять в темноте было непривычно и даже как-то странно, но неожиданно эта темнота ей понравилась. Спокойно, тихо... Лави села на каменный холодный пол, поджала колени к груди и положила голову на колени.

Глава 14. На краю пропасти

– Лави! Очнись!

Девушка заворчала совсем как человек и еще крепче обняла подушку. Ей снилась радуга, переливающаяся самыми разными цветами: белым, пурпурным, рубиновым, изумрудным, лиловым, бирюзовым, солнечным и даже черным. Но больше всего ее восхитило другое – прекрасные белые крылатые создания с одним рогом. Их было очень много, и все они порхали по небу.

– Лави! – прогрохотал голос у самого ее уха, Лави резко открыла глаза и села на кровати.

Она поморгала и уставилась на Калифа.

– Мда, – хмыкнул тот. – В пещере выдержки еще никто не засыпал! Ну и странная же ты!

Лави широко зевнула и потянулась. Она осмотрела небольшую, но уютную комнату с большой, на полстены, картиной в позолоченной раме. Картина была пустой.

На потолке висела люстра с множеством подвесок. Кровать, на которой лежала Лави, была низкой и миниатюрной, но подушка и легкое, как пушинка, одеяло было очень приятным на ощупь. Возле большой двери, украшенной какими-то завитками, стоял массивный шкаф до потолка, а на прикроватном столике был поднос с едой, накрытой крышкой.

– Обустраивайся пока, поешь. Я скоро вернусь!

– Где это мы?

– Скоро все узнаешь! – грубо произнес Калиф. – Мне приказано доставить тебя сюда. А расскажет тебе все другой... – Он задумался и почесал затылок.

Лави моргнула.

– Какой еще другой? И кто он? Человек?

Калиф сделал вид, что не услышал ее вопроса. Все-таки ему надоело постоянно твердить одно и то же! Сказано же, что расскажет другой. Так жди! Нет же...

Калиф втянул носом воздух.

– Ты прошла проверку пещерой. Теперь подожди.

– И что это значит?

– Тебя приняло это место.

– Приняло? – Лави еще раз обвела глазам комнату. – Как интересно. А где мы сейчас?

– Во дворце, куда и шли.

– Во дворце? – Рыжие брови поползли вверх.

Калиф сжал кулаки, словно сражался сам с собой: рассказывать Лави или нет, но сдался и протянул ей руку.

Лави наклонила голову набок, внимательно рассматривая его ладонь, и задумалась: что будет, если она до него дотронется? Станет ли он добрее, заиграет ли на его лице улыбка, как у старушки и Кристофера, к которым она прикасалась?

Внутреннее предчувствие запрещало прикасаться к своему похитителю, но любопытство подстегивало увидеть, что

же произойдет.

Лави прикоснулась к мужской руке и затаила дыхание. Массивная ладонь Калифа была липкой, с шершавыми мозолями.

– Ну, идем, чего сидишь? – услышала она. Девушка внимательно посмотрела на лицо Калифа и нахмурилась. На него не действуют ее чары? Как же так?

Она встала с кровати и пошла с ним. Попыталась вырвать ладонь, но Калиф сжал ее еще крепче.

– Я бы с удовольствием тебя отпустил, Лави, но не могу.

– Почему?

– Потому, что тогда тебя раздавят эти стены.

Лави ошарашено посмотрела на него.

– Я шучу. Но отпускать мою ладонь тебе нельзя. Тебя еще не видел Великий.

– Какой еще Великий?

– Ты скоро с ним познакомишься. Он безобиден, не бойся. Ты хотела узнать, где мы?

Она растеряно кивнула.

– Так идем!

– Почему просто нельзя ответить?

– Потому, что лучше один раз показать! Разговоры – пустая трата драгоценного времени!

Лави не стала задавать лишних вопросов. Они шли по длинному коридору. Босые ноги ступали по белому пушистому ковру. Она зажмурилась как кошка – настолько это

приятно! Ой, какое странное чувство! Она резко остановилась, захихикала совсем как в детстве и подняла правую ногу. Почесала ступню и осторожно поставила ее на ковер.

– Ты никогда не испытывала щекотки? – удивленно спросил Калиф.

– Ще... что?

– Забудь! Конечно, никогда! Откуда тебе? – ответил Калиф самому себе и хмыкнул.

Лави посмотрела на него с обидой. Все-таки он странный! Но все мысли упорхнули прочь, когда она посмотрела на стены, где висели пустые картины, как и в той комнате, где она проснулась. Как только она проходила мимо, на картинах появлялись очертания людей. Лави резко обернулась, но изображения уже исчезли, будто боялись показались гостье на глаза.

«Ну и странное место!» – бурлила мысль в голове Лави.

Калиф привел ее к парадному входу. В лицо подул теплый ветер, распуская вокруг запах топленого молока. Уже смеркалось, но краем глаза Лави уловила, что дворец находится на отвесной скале.

Калиф еще крепче сжал ладонь девушки, когда она ринулась вперед, чтобы посмотреть, что находится внизу.

– Отпусти! Сам ведь сказал, что я бессмертная?

Калиф втянул носом воздух.

– Так-то оно так, – почесал затылок этот странный мужчина. – Но я не могу тебе этого позволить. Никак не могу,

– уже тише добавил он.

– Почему?

– Потому что Рагдония не терпит нильфиек и уничтожит каждую, кто здесь окажется. Понимаешь, к чему я клоню?

– Лави вздрогнула. – Поверь, тебе не поможет никакое бессмертие!

– Но...

– Поэтому я тебя держу. Со мной тебе ничего не грозит. Как и в той комнате, где ты проснулась. Но стоит тебе ее покинуть или дотронуться до чего-либо – и пощады не жди.

Лави стояла на месте и не дышала. Она со злостью посмотрела на своего похитителя.

– Совсем не понимаю, зачем я здесь! Сначала ты притащил меня в тот дом, отобрал мой медальон, а теперь привел в это опасное для меня место. Какой смысл?

От ярости Лави не обратила внимание, что перешла на «ты». Лавур была бы недовольна ее поведением.

– Не кипятись, Лави. Успокойся! – одернул ее Калиф.

А Лави впервые осознала, что испытывает гнев. Да такой, что ей хочется расплавить и этот дворец с его странными картинами, и этого мужчину!

Девушка внимательно посмотрела на него. На губах Калифа застыла нежная улыбка, по щекам потекли слезы, плечи расслабились и выглядел он довольным. В то время, как ее переполняли совсем противоположные эмоции.

Лави осенила догадка, ее глаза округлились.

– Действует, – произнес Калиф. – Пора знакомиться, птичка, – он крепче сжал ладонь девушки, чтобы она не вздумала вырвать руку.

– Я – Хитрость! – С этими словами Калиф изменился на глазах: его лицо вытянулось, волосы стали длиннее и разделились между собой два цвета: правая половина головы – белая, как туман, левая – черная, как вороново крыло. Руки стали тощими, он вырос на три головы.

Лави прикоснулась свободной рукой к груди, когда стало нечем дышать. Глаза закатились, и ее тело обмякло. Калиф, который оказался Хитростью, успел подхватить ее тело.

Глава 15. Ошибка

– Я крайне недоволен тобой, Хит! Ты опять подвел меня! Что я тебе говорил? Доставить ее сюда и провести через пещеру. Зачем все это? Скажи спасибо, что не угробил девчонку! Ты хочешь войны с Ангардорией?

– Прости, Великий. Не смог удержаться, – тихо произнес Хит.

– Если хоть один волос упадет с ее головы, нам всем не поздоровится! Мне не нужна война с Равни, – недовольно сказал Великий.

– Ее не будет, Великий. Я обещаю!

Из соседнего помещения послышался стон, и оба одновременно повернули головы на звук.

Хит облегченно вздохнул, когда Лави открыла глаза и, не мигая, посмотрела на высокий потолок с изображениями полубоженных нильфиек и нильфов. Утренний свет заливал помещение, но она щурила глаза, чтобы рассмотреть все детали. К сожалению, потолок располагался слишком высоко, и она оставила попытки все рассмотреть.

Она перевела взгляд на двух мужчин, и ее тело напряглось, как струна. Первого она узнала сразу: тот самый Калиф, который оказался Хитростью. Длинные, ниже лопаток, двухцветные волосы: черные и белые. Худое тело облачено в странное одеяние, больше напоминающее халат из шелка,

перевязанный поясом. Лави моргнула. Хитрость выглядел моложе, чем был в облике Калифа. Существует ли Калиф на самом деле? Или Хитрость его выдумал? «Вот и верь теперь всем вокруг», – промелькнула мысль.

Что с ней произошло, она не знала, но это состояние ей совсем не нравилось! Она еще никогда не чувствовала себя такой слабой и бессильной!

Второй мужчина, стоявший рядом с Хитростью, выглядел старше. Он казался похожим на Равни, с морщинистым лицом и серыми глазами, которые вобрали в себя мудрость прожитых лет. Седые волосы до плеч закручивались в кольца, короткая седая бородка придавала ему благородства. Осанка мужчины выдавала в нем особенное происхождение – как будто он был правителем. Впрочем, похоже, что так и было. В его руках был посох, больше напоминающий обычную палку. И если бы Лави встретила его где-нибудь случайно, то решила бы, что он – обычный человек в странном одеянии: в золотистом шелковом халате с широким поясом, расшитым серебристыми нитями.

Лави попыталась сесть, но тело казалось неподъемным камнем. Опустила глаза на свои руки и только сейчас осознала, что лежит в бассейне. Подушечки пальцев скукожились от воды. Она внимательно рассматривала их, будто видела впервые. Девушка не чувствовала холода или дискомфорта, словно находилась на своем месте, в своей стихии. А вот что было странным – так это необъяснимые ощущения внутри.

Она словно задышалась и снова оживала, сила утекала и возвращалась в тело с удвоенной силой.

Темные круги под глазами стали исчезать, бледное болезненное лицо порозовело, впрочем, как и губы. Она прикрыла глаза и облегченно выдохнула. Вода придавала сил, возвращала ее энергию, исцеляла тело и душу.

– Вы – тот самый Великий? – бросила Лави, отвернувшись от мужчин и глядя перед собой, словно ей ни до чего не было дела.

Смотреть на обманщика было невыносимо. Ее еще никогда в жизни не обманывали! Нильфийки были чисты душой и говорили правду. И вот, на тебе! Кто-то выкрал ее, прикинулся другим человеком и затащил в эту... дыру. На лице Лави засияла улыбка. Это место было сложно назвать дырой. Девушка тут же вернулась к своим мыслям и нахмурилась. Внутри растекалась обида вперемешку с ноткой облегчения. Раз здесь Великий, то она хоть что-то узнает и заберет мамин медальон! А потом отправится в Ангардорию и забудет последние события, как страшный сон!

Великий и Хит переглянулись между собой и не сводили с нее глаз, пытаясь разгадать, что на уме у их гостыи, оказавшейся не такой уж и простой, как им показалось на первый взгляд.

– Да, дитя, – произнес низкий голос с хрипотцой. – Я –

нильф Спокойствия, зови меня Спок. – Хит резко посмот-

рел на Великого, встретился с его колючим взглядом и опустил голову. Великого никто не называл по имени! Как так получилось, что он позволил это какой-то там девчонке?

– А вот этот, – Великий кивнул подбородком на нильфа Хитрости, – Хит. Это он привел тебя сюда.

Лави закрыла глаза и легла на дно бассейна, погружаясь в воду и приводя мужчин в замешательство. Потом она вынырнула, собрала мокрые волосы, чтобы не мешали, и, откинувшись на бортик, положила на него руки, согнутые в локтях. Хорошо-то как!

Великий с Хитом снова переглянулись. На этот раз на их лицах читалось изумление.

«Что позволяет себе эта девчонка?» – подумал Хит.

– Лави, ты знаешь, где находишься? – осторожно спросил Великий.

– Знаю, – ответила она, не глядя на него.

– Лави, смотри Великому в глаза, когда говоришь с ним!
– со злостью сказал Хит, сжимая руки в кулаки.

Лави хмыкнула.

– Зачем? Чтобы меня снова обманули? Я уже поверила одному, – она смерила Хита взглядом, и он растерялся, но спустя секунду уже взял себя в руки. – И не хочу, чтобы тоже самое повторилось во второй раз!

Хит нахмурился. Как и Великий.

– Лави, я сейчас возьму тебя за руку, – осторожно начал Спок. – Обещаю, ты ничего не почувствуешь! Такого, как с

Хитом, больше не повторится. Тем более, ты – в бассейне исцеления.

– А я отказываюсь, – спокойно ответила Лави.

– Прекрати сейчас же! – сквозь зубы процедил Хит.

– А то что? – усмехнулась девушка.

– Великий, боюсь, что... – он не договорил.

Великий посмотрел на Хита так, что тот поежился.

– Выйди, Хит. Ты здесь лишний.

Хит открыл рот, его затопила обида. Выйти? Он ведь правая рука Великого! Ближе него у Великого никого нет! Что значит «выйди»?

– Выйди! – повторил Владыка. – Мне еще раз повторить?

Хит развернулся и зашагал в соседнее помещение.

Он мерил шагами комнату и заметно нервничал. Что эта дрянь о себе возомнила? Кто она вообще такая? Решила рассорить его с Великим? Все эти мысли кипели у него в голове до тех пор, пока Спок не вышел к нему. Великий задумчиво смотрел в сторону, глубже погружаясь в свои мысли.

Хит подобрался и приготовился выслушать вердикт Великого, но тот по-прежнему молчал. А потом начал вышагивать туда-сюда, словно задумывал какой-то план. Хит не сводил с него настороженного взгляда. Наконец, спустя несколько бесконечно долгих минут, Великий сел в кресло и прикрыл глаза:

– Ты передал Лави часть своей силы.

Хит открыл рот, его глаза округлились от ужаса.

– Ты переборщил и будешь за это наказан!

От этих слов Хит побледнел.

– Теперь Лави обладает частичкой твоей хитрости.

Хит чуть было не поперхнулся от гнева. Он отдал часть своей силы? И кому? Врагу?

– Знаешь, что это значит для нас? – продолжил Великий.

– Она меняется. Поддается изменению. И если она вернется в Ангардорию, то эту перемену увидит Равни. И найдет нас!

Хит слушал Великого с ужасом.

– Что прикажешь делать? – прошептал он.

– Придерживаемся нашего плана.

– Но как же...?

– Не беспокойся! – Спок снова задумался. – Это нам даже на руку! Но ты должен извиниться перед Лави.

– Еще чего! – взвился Хит, посмотрел в серые глаза Великого и опустил голову вниз. – Прости, Великий.

– Мы не враги нильфийкам! – продолжил Спок. – А ты только все портишь! Держи себя в руках, Хит!

От этих слов у Хита перехватило дыхание, он обиженно посмотрел на Великого.

– Исправь все! Сделай так, чтобы Лави поверила тебе, поверила нам. Не знаю, как ты это сделаешь, но ссориться с ней нельзя!

– Будет сделано, Великий, – прошептал Хит.

Глава 16. Изменение

Лави обдумывала слова Великого. «Спок» – вот как он назвался. Ее пугали странные чувства, кипевшие внутри. Хотелось вредничать, перечить всем вокруг, придумать коварный хитрый план и обвести кого-то вокруг пальца. Это возбуждало и одновременно пугало. «Это не я! Со мной что-то не так». Она – пленница в чужом мире, где живут нильфы, – просто невероятно! И странно...

В Ангардории нильфы прячутся, не высовывают нос на улицу, а в этой Рагдонии она увидела уже троих, включая Глира. Кстати, интересно, кто он такой. «Что-то не верится, что этот назвался своим именем. Скорее всего, какая-нибудь выскочка, наподобие Хита!». Что ж, как бы там ни было, но они, кажется, не планируют причинить ей вред.

Великий по имени Спок взял ее за руку, и это не было тем самым, как с Калифом, точнее с Хитом. Она закрыла глаза и растворилась в зефирном облаке спокойствия. Стало так легко и приятно, – без хитросплетений, лжи и обязательств, – что хотелось остаться в этом состоянии на всю жизнь.

Лави открыла глаза. Легкость окутала ее с головы до ног. Первым делом захотелось взмахнуть крыльями и взлететь к небу, почувствовать поцелуй ветра на щеках, раскинуть крылья и взлететь высоко-высоко. Но следом за этими мыслями она моргнула, возвращаясь в настоящий момент, и посмотрела

рела за спину.

Легкость как рукой сняло, потому что крыльев за спиной у нее по-прежнему не было. И до сих пор не было ясно, что случилось с мамой и как вернуть обратно медальон силы? Лави нахмурилась и тяжело вздохнула.

Великий не спускал с нее глаз, пытаясь прочитать ее мысли. Он подвинулся к нильфийке ближе и с беспокойством всмотрелся в ее лицо.

– Почему я здесь? – Лицо Лави снова, как и прежде, приняло маску безразличия. Великий вздохнул.

– Это самый сложный вопрос.

– Что же здесь сложного?

Великий внимательно смотрел на нее.

– Как ты себя чувствуешь?

– Это сложный вопрос, – вторя ему, ответила Лави.

Кустистые брови Великого взлетели вверх. Никто не смел так с ним разговаривать! Но, кажется, у Лави были другие планы.

– Лави, ты играешь со мной?

– Нет, – равнодушно ответила Лави. – Просто мне это все надоело.

Великий наклонил голову набок.

– Понимаю... – произнес он.

– Это вряд ли! – хмыкнула Лави и сама удивилась своему поведению. Она никогда не была такой грубой. Краска стыда залила лицо, она ущипнула себя за руку, чтобы опомниться.

Боль мгновенно отрезвила, но, кажется, легче не стало. Уже тише Лави добавила: – Простите, не знаю, что со мной такое, – она рассматривала свои руки. Вода в бассейне была по-прежнему приятно теплой. Ее целебность уже сделала свое дело. Девушка могла бы выйти из бассейна, но не желала ловить на себе взгляды Великого.

– Медальон подавал знаки. По крайней мере, мне хотелось в это верить. Я была уверена, что это она. Что она жива, – произнесла Лави больше для себя. – Но ваш слуга выкрал меня, представился другим именем, заволок непонятно куда и чуть было не угробил! А еще стащил мою единственную дорогую вещь!

Великий нахмурился.

– Ты в отчаянии, так?

– Отчаяние, – перекатила на языке это слово Лави. – Пожалуй, да. Я в отчаянии. А еще я злюсь. Злюсь так, что могу здесь *нечаянно* что-то сломать. Всю жизнь от меня что-то скрывают и мне это порядком надоело!

– Что ж, не удивительно. На твоём месте, пожалуй, я чувствовал бы тоже самое.

Она удивленно посмотрела на него.

– Поверь, однажды мне пришлось создавать этот мир заново! Я и мои нильфы остались без крова и еды.

Великий усмехнулся, увидев, что достучался до гостьи, которая с интересом смотрела на него и что-то обдумывала. Он добивался именно такого эффекта.

– Ты права, это невыносимо – когда от тебя что-то скрывают. И я здесь именно для того, чтобы тебе все рассказать. Правду, которую ты ищешь.

У Лави загорелись глаза.

– Мне ты точно можешь доверять.

Лави посмотрела на него, опустив ладони в теплую воду и удивляясь тому, что она никогда не остывает.

– Не уверена, что могу.

– Можешь, – твердо сказал Великий.

– Тогда мне нужны ответы прямо сейчас. И я решу – доверять вам или нет!

Великий усмехнулся. Частичка хитрости в ее теле делает свое дело. Наивное дитя стало хитрее. Такую уже сложнее обвести вокруг пальца.

– Спрашивай, – спокойным тоном произнес Великий.

– Откуда у вас связь с маминым медальоном? Вы знали ее?

Карты раскрыты. Нет смысла что-то скрывать.

– Дело не в медальоне, Лави.

– В чем тогда?

– Твоя мама дружила со мной.

Лави не заметила, как сжала в кулаке мокрую ткань платья.

– Я касался медальона, как и Хит.

– Зачем? – На лице Лави отразилось удивление.

– Она помогала нам. У нас с твоей мамой была одна цель

– объединить два мира.

Лави ахнула, а Великий снова улыбнулся. Что ж, разговор клеится, и это уже неплохо!

– Видишь ли, между мной и правительницей твоего мира все сложно.

– С Равни? – удивленно спросила Лави.

– А Ангардорией правит кто-то еще? – Седые брови Спока подскочили вверх.

– Нет.

– Значит, мы говорим об одной и той же правительнице!

Лави перестала дышать. Перестала чувствовать температуру воды.

– А потом... В общем, все сложно, – Великий взмахнул рукой. – Даже не знаю, сколько тебе тогда было лет, когда все произошло. Ты уже и так понимаешь, что я и Хит – из твоего мира.

Лави не сводила глаз с Великого. Об этом она догадалась. Хотелось поскорее узнать все тайны. Возможно, это приведет ее к маме.

– Как ты понимаешь, Хит сказал тебе неправду. Лави, мне очень жаль, что нам пришлось тебя обмануть. Ради большой цели, ради великого плана. Мы жили вместе с вами, пока я все не испортил. А потом... Равни прогнала нас. Вам стерли память, чтобы вы о нас забыли. Это было против правил. Твоя мама была против всего этого. Она хотела все исправить, помочь нам. У твоей мамы большое сердце, она была

очень храброй, – произнес он.

В глазах Лави зашипало от слез. Она моргнула и втянула носом воздух.

– Вот кто должен был править Рагдонией, Лави!

– Где она сейчас? – спросила Лави и удивилась своему охрипшему голосу.

– Не знаю, девочка. Мы договорились встретиться на закате. Я ждал ее прямо в этой комнате, где мы с тобой сейчас, но она не пришла. Мы искали ее у границ, в Рагдонии, даже мир людей прошерстили, но она как сквозь землю провалилась. Единственное место, где нам запрещено ее искать – Ангардория, путь туда нам закрыт.

– Если бы я помогла вам, – Спок моргнул. – Вы бы помогли мне с ее поисками?

– Лави, не хочу тебя огорчать, но прошло слишком много лет. Если она до сих пор не вернулась, то уже вряд ли...

– Нет, вернется! Нельзя сдаваться! Пока я не найду ее тело, я не успокоюсь.

– Узнаю в тебе ее упрямство, Лави, – мягко произнес он. – В любом случае для начала нам нужно вернуться домой, а уже потом мы подумаем о твоей маме. У тебя еще остались вопросы?

Лави повернула голову к Великому и кивнула.

– Куда делись мои крылья? Почему я чувствую себя, как человек?

– Это потому, что ты попала сюда. Нам нужно было тебя

изменить. Рагдония не терпит чужаков, особенно нильфиек. Поверь, я не хочу никому зла. Я всего лишь защищаю своих людей. Преданных людей, которые доверились мне, и я не хочу подвергать их жизни опасности. Твои крылья вернуть, обещаю тебе. Тебе достаточно вернуться в свой мир или в мир людей, и все станет как прежде.

– Как вы меня изменили? – Лави, кажется, не дышала в эту минуту.

– С помощью посоха, – ответил он и поднес к ней поближе ту самую непримечательную палку, которую она уже видела.

Миг – и обычная палка превратилась в продолговатый белый посох с острым зубцом. На конце сверкала ослепительная жемчужинка, приковывавшая к себе внимание.

– Где мой медальон?

– Он у меня. Наполняться силой ты можешь в наших бассейнах. Они наполнены целебной водой.

– Почему бы вам просто не отдать его мне?

– Мы подобрались к самому главному. Мы хотим... Точнее я хочу, чтобы ты продолжила дело своей матери, – мягко произнес Спок. – Как и сказал Хит, твой медальон – это гарантия, что ты нас не предашь.

Лави чуть было не поперхнулась от гнева.

– Пожалуйста, подумай хорошенько.

– А у меня есть выбор?

– По сути, нет. Но ты можешь решить, каким именно будет наше сотрудничество.

– Почему именно я? Если дело только в том, что я дочь
... – Девушка пыталась подобрать слова, но в ее горле пере-
сохло. Говорить о маме было тяжело.

– У тебя медальон Лавьеры, и ты – нильфийка Любви. Ты
проникла в обитель Равни!

Лави вздрогнула и пристально посмотрела на него.

– Откуда вы знаете?

– В Ангардории остался мой шпион.

– Кто?

– Прости, но я не могу тебе сказать. Это уже мой секрет.

– Последний вопрос.

– Слушаю.

– Сколько времени я здесь нахожусь?

– Два дня.

У Лави перехватило дыхание.

– Сколько?! Да вы шутите! – рассердилась нильфийка.

– Если в течение трех дней я не появлюсь в Ангардории, то...

– Знаю, Лави, знаю! Поэтому принимай решение скорее!

Глава 17. Безысходность

Лави все-таки вышла из бассейна, когда Великий по имени Спок оставил ее наедине со своими мыслями, от которых не было покоя. Что же это получается? У мамы были от нее секреты, а она даже не подозревала? Интересно, знала ли об этом Лавур?

От воспоминания о бабушке у Лави перехватило дыхание, кожа покрылась мурашками. Бедная Лавур сейчас совсем одна! Она же, наверное, сошла с ума от волнения. Сначала пропала дочь, теперь еще и внучка! И как раз тогда, когда ей нельзя беспокоиться! Как она там? Жива ли?

Страх вперемешку с гневом кипели внутри девушки, крепко переплетаясь между собой. Она сжала кулаки и скрипнула зубами. Один день! У нее остался всего один день, пока Равни не сочтет ее мертвой. Надо скорее вернуться обратно!

Лави мельком осмотрела комнату, в которой находилась. Просторное помещение – раз в десять больше ее комнаты в Ангардории. Посередине – бассейн с изумрудной водой. Вода сверкала, словно бриллианты. Большое окно величиной с Лави выходило на лицевую сторону строгого замка из серого камня. Вдали она видела верхушки высоких деревьев и скалистые горы.

Возле бассейна стояло кресло, на его спинке висело пла-

тье горчичного цвета. На полу стояли смешные туфли с закрученными вверх носками. А может это и вовсе тапочки? Нильфийка с любопытством смотрела на эту забавную обувь.

Лави подошла к креслу, стащила с себя мокрую одежду, снова осмотрела все и нашла на кресле полотенце. Девушка вытерлась и натянула на себя платье. Лави хмыкнула: цвет ей совсем не к лицу. Да и платье какое-то бесформенное. А в этих глупых туфлях она вообще выглядела как какой-то клоун!

Лави вышла из этих просторных и роскошных покоев и попала в небольшую по размерам комнату. Здесь стояло одно кресло и шкаф до потолка, набитый какими-то книгами. Она бы поинтересовалась книгами, но время было на счету. Тревога мешала думать, Лави прикусила губу и почувствовала во рту металлический привкус. Это что, кровь? Она прикоснулась пальцами ко рту и удивленно посмотрела на красный след.

Лави искала выход из помещения, но его не было. Она прошла обратно в покои. Но и здесь не было никакой двери! Да как же такое возможно?

Девушка походила туда-сюда, потом перешла на бег. Наконец она устала метаться и плюхнулась в кресло, убрав с вспотевшего лба мокрую прядь рыжих волос. Похоже, выбора у нее и правда нет.

«А с виду этот Великий такой благородный! Корчит из

себя не пойми кого, а сам запер меня!» – буркнула себе под нос Лави.

Она набрала полную грудь воздуха и тяжело вздохнула.

– Я согласна! – крикнула Лави, глядя в высокий потолок с полуобнаженными парочками. – Слышишь меня, Спок? Только отправь меня в Ангардорию!

«Как же глупо это все», – снова пробубнила себе под нос Лави и от безысходности прикрыла лицо руками.

– И давно ты сама с собой разговариваешь?

Лави повернула голову и увидела Хита. Он смотрел на нее высокомерно, сложив руки за спиной.

– Тебе-то здесь что надо? – разозлилась она.

– Как грубо! Думал, нильфиек учат вежливости. А ты совсем...

– Заткнулся бы! – выпалила Лави и тут же закрыла рот. Она в жизни не позволяла себе подобных слов.

Но Хит лишь наклонил голову набок и долго всматривался в ее лицо. Лави резко отвернулась.

– Великий послал меня за тобой. Ты согласна нам помогать?

Лави хмыкнула.

– Похоже, неважно, что я скажу. Выбора у меня все равно нет. Это шантаж, ты в курсе? Дотянуть до последнего и вернуть меня обратно взамен на мое согласие.

Он усмехнулся, и Лави догадалась, что Хит очень даже в курсе.

– Верно, – произнес Хит, глядя на нее свысока. – Произнеси, что согласна, и тогда я провожу тебя к границе.

Лави втянула носом воздух и послушно повторила свое согласие.

– У границы мы попросимся, – продолжил Хит. – Завтра, как стемнеет, выходи из дома и жди меня там. И тогда ты получишь все дальнейшие указания. Дай сюда руку.

– Еще чего!

Хит закатил глаза к потолку.

– Я больше не сделаю того... – Он тщательно подбирал слова, но они застряли в его горле. – ... Что в прошлый раз.

– С чего это я должна тебе верить?

– С того, что, как ты и сказала, выбора у тебя нет! Ты ведь хочешь домой? – отчеканивал каждое слово Хит.

«Злится», – решила Лави. Вот и хорошо, пусть злится этот напыщенный хмырь! Лави приложила ладонь к губам. Хвала небесам, что она не сказала этого вслух.

– Что случится, когда ты возьмешь меня за руку?

– Для тебя – ничего. Перенесу тебя к границе, и все. Добираться нужно несколько часов. Будешь и дальше мяться – не успеешь! Поверь, нам все равно, если тебя признают мертвой. Нам будет достаточно просто подкинуть твой медальон, и все!

– Что? – У Лави перехватило дыхание. – Так это ты подкинул мамин медальон? Твоих рук дело?

– Башкой, что ли, бахнулась? У нас с тобой небольшая

разница в возрасте! Как бы я все это провернул?

Лави задумалась. Ну что ж, похоже, он говорит правду.

Хит с ужасом уставился на Лави и закрыл свой рот, нервно оглядываясь по сторонам.

Девушка удивленно смотрела на него. Похоже, у нее такие же эмоции, как и у Хита. И он взбешен, надо же!

– Я сказал что-то смешное?

Лави пожала плечами.

– Да нет. Просто ты напоминаешь мне людей.

На лице Хита появились красные пятна.

– Дай сюда руку! – сквозь зубы процедил он.

– Что я такого сказала?

– Ничего! Руку!

Лави подошла и протянула ему руку. «Надо же, подумалась, какой обидчивый. И это мне надо обижаться, а не ему!».

Хит прикоснулся к запястью Лави. По руке пробежал холодок, а потом ладонь неприятно кольнуло. Девушка хотела отдернуть ее, когда на внутренней стороне запястья появился серебристый полумесяц. И тут же исчез, словно его никогда не было.

– Все! По этому знаку мы найдем тебя где угодно. Да не дергайся ты! Ничего страшного не произошло! Великий просил передать, чтобы ты избегала Равни. Просто не попадайся ей на глаза.

– Почему?

– Потому! И не забудь – завтра, когда стемнеет! Тогда Ве-

ликий введет тебя в курс дела и познакомит с остальными. И вот, – Хит протянул ей сверток. – Съешь это. Тебе надо подкрепиться.

Лави развернула сверток и увидела пресную лепешку.

Хит внимательно смотрел на нее.

– Так и будешь здесь стоять и глазеть? – спросила его Лави.

– А как же! Ешь!

Лави скривилась и хотела его передразнить.

Она откусила кусочек лепешки и замычала. Вкуснятина какая! По горлу в желудок потекла приятная сладкая жидкость. Девушку тут же резко потянуло в сон. Лави пошатнулась на месте, ее веки сомкнулись, а ноги подкосились. Она почувствовала, что ее подхватили чьи-то руки...

Глава 18. Возвращение

– Очнись, девочка. Лави! Да что же это такое?!

Лави открыла глаза и застонала. Лавур смотрела на нее с беспокойством.

– Жива! – с облегчением выдохнула бабушка, по ее щекам текли слезы. – Хвала богине Равновесия! Как ты напугала нас, негодница!

Голова Лави раскалывалась на части. Ей понадобилось время, чтобы осознать, что она снова в Ангардории. От облегчения она вздохнула, но в ее теле все равно ощущалась легкая дрожь.

– Где ты была? Мы тебя обыскались! – до ушей донесся знакомый голос. Это была Вера.

Лави повернула голову и увидела обеспокоенных подруг. Вера и Надин подошли поближе, сели на корточки и взяли Лави за руки. За их спинами стояли их матери и бабушки, а вдали – вооруженные до зубов стражники, которые и доложили, что у границы появилась нильфийка. Они скрылись из виду, снова став невидимыми, и вернулись на свой пост. Лави тут же смутилась.

– Я уже думала, что не найду тебя. Ты нас страшно перепугала, – всхлипнула Лавур и тут же взяла себя в руки. – Что с тобой случилось?

Не дождавшись ответа, она продолжила:

– Так, ладно. Нечего тут торчать. Надо отвести Лави домой и доложить Равни, что она нашлась. Хотя, скорее всего, стражники уже сделали это за меня.

Что было дальше, Лави не знала. Она снова провалилась в сон. А когда проснулась и вспомнила о прошедших событиях, резко села на кровати и обвела глазами небольшое помещение. От осознания, что она в своей комнате, в Ангардории, Лави захотелось плясать!

На смену радости пришли воспоминания о другом мире с его исцеляющими бассейнами, величественными горами, успокаивающим пением птиц. И о Хите, от мыслей о котором она поморщилась. И к Споку почему-то доверия не было. Ну, кто так делает? Поставили ее перед фактом и все! Даже выбора не дали! А что если тот мир – всего лишь сон?

Лави покосилась на запястье и прямо на ее глазах там появился серебристый месяц. А потом снова исчез, словно растаял под кожей. Лави огорченно вздохнула. Нет, не приснилось! Это было на самом деле. Она посмотрела за спину, и с ее души словно камень свалился. За спиной были крылья – большие, мерцающие, красивые.

В комнату вошла Лавур. Не влетела, как обычно, а прошаркала на двух ногах. Под ее глазами пролегли тени, она будто постарела на добрый десяток лет.

– Очнулась, – с придыханием произнесла она. Ее зеленые

глаза вспыхнули от радости. – Как ты?

– Хорошо, – ответила Лави и смутилась. Что ей сказать, как все объяснить? Но Лавур уже продолжила:

– Целитель приходил утром. Сказал, что ты не пострадала. Где ты была? Тебя похитили? Я места себе не находила. Мы с Равни подняли на уши всю Ангардорию. А потом к нам домой явился стражник и сказал, что ты нашлась.

Лави вспомнила просьбу Хита не попадаться на глаза Равни и сглотнула ком в горле. Под пристальным взглядом бабушки стало некомфортно.

– Она тоже здесь была?

– Кто?

– Равни. Она приходила сюда?

– Приходила. А почему ты спрашиваешь? – удивилась Лавур. – Она должна была убедиться, что ты нашлась. Знаешь, это странно, но Равни тоже места себе не находила, когда ты исчезла. Приходила к нам по пять раз на день. Службу в мире людей я отменила. Вместо меня Равни послала Лаву. Ну, ту, что живет через пять домов на север.

Лави молча кивнула. Лаву она знала. Та была одного возраста с бабушкой. У нее была дочь и чудесные внучки-близняшки четырех лет.

– И что сказала Равни, когда увидела меня?

– Попросила, чтобы ты отправилась к ней, как только очнешься. И сегодня она осталась в Ангардории, – настороженно ответила Лавур. – Лави, ответь, наконец, что происходит?

Лави боролась сама с собой. Она помнила о предостережении Хита, но желание все рассказать рвалось наружу. Может, спросить у Лавур, знает ли она Хита и Спока? Ведь те были нильфами! Не людьми, как она изначально думала, а такими же созданиями, как и нильфийки! И они из Ангардории! А вдруг нет? Не обманули ли они ее, когда сказали, что жили здесь когда-то?

Лави решила задать бабушке свои вопросы и все рассказать. Но стоило девушке открыть рот, как на запястье вспыхнул полумесяц, и она не произнесла ни слова. Лави возмущенно покосилась на знак и снова попыталась произнести что-то, но и эта попытка не увенчалась успехом. Внутри пламенем вспыхнул гнев. «Вот значит как?! Выходит, это не просто знак, по которому за мной следят?! Что еще от меня скрыли?».

– Что такое? – встревожилась Лавур. – У тебя болит горло? Сходить за облепиховым маслом?

– Со мной все хорошо, Лавур. Не беспокойся.

– Не беспокоится? Как я могу о тебе не беспокоиться?! Думай, что говоришь! – возмутилась старуха. – У меня кроме тебя никого не осталось!

Лави подползла поближе к бабушке и обняла ее.

– Я была в мире людей. Хоть ты меня и предостерегала, но я прикоснулась к человеку и не рассчитала силы. А потом ты меня нашла. Сама не знаю, как оказалась у границы, – соврала девушка.

– Что? – ахнула Лавур. – Ты отключилась прямо в мире людей?

Лави отодвинулась от бабушки и кивнула.

– Прости, Лавур. Больше этого не повторится, обещаю!
Лавур покачала головой.

– И на тебе нет медальона! – произнесла она так, словно это причиняло ей невыносимую боль.

– Видимо, случайно выронила, – ответила Лави, мысленно ненавидя себя за эту грязную ложь.

– Это был медальон твоей мамы, Лави, – девушка посмотрела на бабушку, и у нее внутри все сжалось в тугий комок. В глазах Лавур стояли слезы. – Это была единственная ценная вещь, оставшаяся от нее. Я надеялась... – Всхлипнула Лавур.

Лави еще крепче обняла Лавур и дала ей возможность выплеснуть накопившуюся боль. Сколько прошло времени, никто из них не знал. Наконец плечи Лавур расслабились, она успокоилась и посмотрела на внучку. Ее веки покраснели, лицо осунулось, обычно аккуратно уложенные волосы растрепались в разные стороны.

– Просто обещай мне, что ты не встряла в переделку.

– Обещаю, – улыбнувшись, произнесла Лави, ненавидя себя и за эту ложь. Что-то ей подсказывало, что она именно «встряла».

Глава 19. Предупреждение

Лави лежала на своей кровати и пялилась в потолок. Час назад в дверь постучал посыльный и передал, что Равни ожидает у себя найденную нильфийку. Лавур с недоумением во взгляде смотрела, как побледневшая внучка отправилась в свою комнату, закрыла дверь, попросив никого к себе не впускать.

Нильфийка свернулась калачиком и с ужасом осознала, что оказалась в тупике. Как ей поступить: послушаться приказа правительницы или все-таки показаться ей на глаза, опасаясь, что та поймет, где была Лави? И в первом, и во втором случае ей грозит казнь!

Лави вздрогнула, протяжно выдохнула и растянулась на кровати.

«А может, нечего бояться? Может, все не так страшно? Я ведь никого не предала, да и выбора у меня не было!» – произнесла Лави вслух, как часто делала в детстве, когда чего-то сильно боялась. – «Ну, мало ли что сказал какой-то там Хит! Что он мне сделает? Хотели бы причинить вред, уже давно бы это сделали! А Равни надо все рассказать!».

Эти мысли придали ей бодрости.

Лави собралась с духом, чтобы отправиться к правительнице. Она переоделась в желтое свободное длинное платье и приблизилась к входной двери. Лавур лежала на кровати у

себя в комнате, ее грудь мерно вздымалась и опускалась.

Стоило Лави оказаться за домом, как ее губы растянулись в улыбке от сладковатого воздуха, пропитанного жасмином. Никогда еще она так не радовалась тому, что живет в таком прекрасном мире! Еще недавно все казалось привычным, надоевшим. А теперь она смотрела на родные места другими глазами – никакого неприятного запаха антисептика, никаких грубых людей, которые обижают животных, никаких интриг. Спокойствие, тишина, умиротворение. Оценила бы она это, если бы не оказалась в центре хитрого замысла Спока и Хита? А в том, что этот план хитрый, она почему-то не сомневалась. Полумесяц на руке – тому подтверждение!

Лави посмотрела вдаль на тот самый дворец, в котором когда-то провела три месяца. Лететь туда недалеко – от силы час. Оттолкнулась ногами от порога дома, поднялась вверх и полетела в сторону замка.

Стоило лишь немного приблизиться ко дворцу – и запястье с полумесяцем пронзила острая ноющая боль. Лави ошарашенно уставилась на руку. Внешне не было никаких признаков, но внутри ее руки словно плавилась кость. Из глаз брызнули слезы, она стиснула зубы, но продолжала лететь. Когда же боль стала невыносимой, Лави остановилась, резко развернулась и полетела обратно.

Чем дальше она удалялась от дворца, тем лучше себя чувствовала. Стоило ей оказаться внутри дома, как боль окончательно исчезла. Лави со злостью смотрела на свое запястье

и была готова разорвать этого гадкого Хита вместе со Споком на мелкие кусочки!

Это что же получается, ей даже нельзя никуда выйти? Когда это она подписалась стать пленницей?! «Ну, берегитесь! Я вам такую помощь устрою – в страшном сне не привидится», – пообещала Лави.

Она мерила шагами комнату и ждала, когда стемнеет, чтобы увидеть двух этих гадов, которые решили тянуть ее за разные ниточки как жалкую марионетку. Прокручивала в мыслях все, что выскажет им, быстро проглотила ужин, не задумываясь о том, что ест и какова еда на вкус, и просто ждала...

На руке не осталось ни единого следа от ожога, но это не утешало! Опять контроль, опять много вопросов, которые снедали ее!

Дождавшись темноты, Лави направилась к выходу и оторопела. На пороге из ниоткуда появилась гостья. Равни. Лави выдохнула от облегчения. Наконец-то она все расскажет и снимет со своих плеч непосильную ношу. Но не тут-то было! Правительница смерила Лави презрительным взглядом и велела оставаться на месте. Потом резко покинула их дом, оставив их с Лавур с массой вопросов.

Лави уложила бабушку в кровать и гладила по голове, пока та не уснула. А потом тихо покинула дом.

Ночь в Ангардории, как всегда, была теплой. Лави почувствовала прикосновение к руке, но рядом никого не было. Лави вздрогнула.

– Тише, это я, – Лави сразу узнала Хита по голосу. – Опаздываешь! Когда я велел тебе здесь быть?

Лави открыла рот, чтобы ответить ему, но провалилась во тьму.

Глава 20. Знакомство

Лави открыла глаза и протяжно вздохнула. Она смотрела на уже знакомый высокий потолок, чувствовала мокрое и прилипшее к телу желтое платье, потом прикрыла глаза. У нее был план: высказать все Хиту, потребовать, чтобы тот вернул ее вещь, отказаться от его со Споком игры, а вместо этого он уже в который раз ее усыпил! И это раздражало больше всего!

– Рад снова приветствовать тебя, Лави. – Девушка резко повернула голову и увидела шелковый красный халат, расшитый изумрудами. Подняла глаза на Спока, стоящего в десяти шагах от нее, и нахмурилась. Седые до плеч локоны Великого были растрепаны, будто он только что встал с кровати. Теплый взгляд располагал к себе и даже успокаивал клочущую внутри нее бурю. Он улыбался нежной улыбкой. Хит стоял рядом и смотрел куда-то в сторону, не глядя на Лави. На его лице не читалось ни единой эмоции.

– Не могу ответить тем же, – кинула Лави. – Вы чуть не сожгли мне руку.

– Я предупреждал! – ответил Хит, сжимая кулаки.

– Ты не говорил, что если я послушаюсь, то останусь без руки! Я хочу выйти из бассейна. Отвернитесь.

Мужчины напряглись и одновременно повернулись к Лави спиной. Она вышла из бассейна, сняла с себя свое люби-

мое платье, бросая недоверчивые взгляды в их сторону. Вытерла мокрое тело полотенцем. На спинке кресла, как и в прошлый раз, висело платье. И оно было таким же уродливым, как и предыдущее. Лави вздохнула и натянула на себя эту безвкусицу.

– Оделась, – произнесла она.

Спок и Хит одновременно повернулись к ней. Великий подошел к Лави и осмотрел ее с ног до головы.

– Какая ты красивая! – восхищенно произнес он. А Лави только скривилась.

«Ну и отвратительный вкус у этого Спока!». Лави и правда обладала яркой красотой, но это ужасное горчичное платье могло изуродовать кого угодно!

– Мне жаль, что ты пережила боль. Мы не хотели причинить тебе вреда. Это вынужденные меры, и кто знал, что ты отправишься напрямиком к Равни! Лави, я лишь хотел тебя сберечь.

– Меня не надо оберегать. В Ангардории безопасно.

– Боюсь, дитя, ты ошибаешься! Рагдония – вот где самое безопасное место на свете. Сюда не проникнет ни один чужак. В Ангардории же... К сожалению, мы вынуждены отпустить тебя домой, – при этих словах он закрыл глаза, словно ему было невыносимо об этом говорить. – Я хотел бы, чтобы ты жила здесь. С нами. Но никак не могу этого допустить. Мы будем встречаться здесь раз в три дня. Так же, как и с Лавьерой. Когда-то...

При имени матери Лави заметно вздрогнула, что не укрылось от Великого.

– Мне нужен медальон.

– Ты его получишь.

– Правда?

– Правда. Но для начала я познакомлю тебя с остальными.

Спок протянул Лави руку. Помещение с исцеляющим бассейном поглотили белые воздушные облачка.

Лави моргнула и уставилась перед собой, пытаясь рассмотреть все в просторном зале. Пол был выложен темным камнем, будто впитавшем в себя чужие тайны. С темного потолка свисала какая-то балка. По каменным стенам сверху вниз стекала вода насыщенного фиолетового цвета. Посреди помещения находился странный фонтан с темно-зеленой водой с приятным запахом шишек и малинового сиропа.

Вокруг этого так называемого фонтана расположились нильфы. Они сидели на каменном полу со скрещенными ногами и ладонями поверх коленей. Одеты все были по-разному. Лави зажмурилась от обилия красок.

– А вот и наша девочка, – произнес Великий, и Лави вздрогнула, осознав, что тот вместе с Хитом стоят сзади и внимательно наблюдают за ней.

– Лави, знакомься. Это Тревога. Треви, поднимись, дорогая. Поздоровайся с нашей Лави.

Из круга встала девушка с темно-серыми волосами. Края ее покрывала были ядовито-красными. Глаза болотно-серого цвета, узкие губы на миниатюрном лице скривились в усмешке. На ней была человеческая одежда: зеленая кофта с глубоким декольте, свободная красная юбка в пол и желтые кроссовки. В руках она держала оранжевый шарф в клетку.

– Треви снова стащила человеческую одежду, – выпалил мальчишка лет двенадцати.

– Ябеда, – кинула та с обидой, но мальчишка лишь пожал худыми плечиками и явно был доволен собой.

– Вижу, – недовольно поджал губы Спок. – Треви, зайди ко мне после собрания.

Треви закатила глаза.

– Это ненужная одежда. Она полетела с балкона. Так что, по сути, я могу ею пользоваться!

– Зайди! – строго повторил Спок. Треви сжала губы в узкую полоску, стиснула кулаки, но промолчала.

Через пару секунд она перевела равнодушный взгляд на Лави. Кивнула ей, опустилась обратно в круг, села в ту же позу, что и прежде, и закрыла глаза.

Лави опустила глаза, чтобы перевести взгляд. Ее глаза болели от этой яркой мешанины цветов.

– А это нильф Гнева. Гневин, познакомься с нашей гостью.

Гневин уже поднялся. Это был наголо бритый молодой мужчина. Шоколадного цвета глаза вдруг стали красными.

Лави отшатнулась, а Гневин ухмыльнулся. Он подошел к ней поближе и протянул руку. Лави покачала головой и перевела взгляд на стоявшего рядом Спока. Гневин пожал плечами и пошел обратно.

– Эй, босс, – подал голос худощавый и высокий парень с короткими темными волосами и с серыми глазами. – Это точно та самая нильфийка? Не похожа она на нее! – Раздраженно произнес он.

– Лави, познакомься с нильфом Раздражительности. Зови его Раздрай.

Раздрай окинул Лави взглядом, понял, что перед ним стоит серость и отвернулся. Лави моргнула и посмотрела на Спока. На его лице читалось спокойствие.

– А вон тот юнец, – Лави посмотрела на того самого парнишку, который выдал Треви, – Скромность. Зови его Скром.

Серебристая шелковая рубашка сливалась с серыми глазами и светлыми короткими волосами. Его щеки вспыхнули, он опустил глаза и смотрел на свои руки.

– Среди нас нет еще одной. Она подтянется позже, и я познакомлю тебя с ней, – сказал Спок.

Лави только сейчас почувствовала, что он держит ее за руку. «Так вот почему я чувствую такую легкость и умиротворение», – пролетела мысль в ее голове.

– Подвиньтесь! Нам нужно еще три места!

Нильфы засуетились, и между Треви и Раздраем появи-

лось три свободных места.

Глава 21. Пузырек

Лави с интересом рассматривала нильфов и нильфийку. Скромность, раздражительность, гнев, скромность, тревога, хитрость и спокойствие. Что здесь делает нильфийка Тревоги, и почему у нее нет медальона? Но вопрос отпал сам собой. В Рагдонии их никто не носит, вместо этого они восстанавливаются в исцеляющих бассейнах. Лави обвела всех взглядом. Почему она никогда не слышала о них? Она погрузилась в свои мысли – интересно, кто в прошлый раз выдавал себя за Глира?! И стоило ей встретиться с мрачным взглядом Раздрая, как она тут же поняла, кто тогда был рядом с Хитом в том доме.

Лави села в круг и по ее телу пробежала приятная дрожь.

– Треви, ты что-то хочешь сказать? – спокойным тоном спросил Спок, глядя на девушку. Лави тут же отвлеклась от своих мыслей и посмотрела на нильфийку Тревоги. У нее было такое лицо, словно она съела что-то гадкое.

– Что она здесь делает? – уверенным тоном поинтересовалась Треви.

Внутри Лави что-то сжалось: «Мне здесь не рады!».

– Треви, дорогая. Где ты была, когда я ввел всех в курс дела? – ответил Великий обманчиво спокойным тоном. – Лави – наша гостья. Она согласилась нам помочь. Если вы до сих пор не узнали ее, то позвольте представить вам дочь Лавье-

ры.

Лави не дышала. Казалось, что если она пошевелится или случайно обронит какое-то неосторожное слово, то случится что-то ужасно необратимое...

После этих слов атмосфера заметно изменилась. На лицах прекрасных созданий застыло непонятное выражение, они переглянулись между собой. Скром посмотрел на Лави с удивлением и любопытством. Треви была готова испепелить гостью взглядом. Раздрай фыркнул и отвернулся от нильфийки, словно она была для него пустым местом. Гневин ухмыльнулся. Его глаза снова приобрели шоколадный оттенок. Только Скром улыбнулся Лави. Кажется, среди них он был единственным, кто был рад гостье.

– Надеюсь, ни у кого больше не возникнет вопросов, почему Лави с нами. И я прошу всех вас относиться к ней, как к своей! – произнес Великий.

Лави повернулась к Хиту, но тот по-прежнему смотрел прямо перед собой. Но, как только он поймал на себе ее взгляд, на его лице проступили красные пятна, а на лбу появились капельки пота.

– Великий, позволь, мы поменяемся с тобой местами? – попросил Хит таким тоном, будто ему было тяжело говорить. Треви резко напряглась, ее лицо приобрело землистый оттенок.

Лави почувствовала обиду. Какой смысл ей находиться там, где ей не рады?! Зачем Хит вообще притащил ее сюда,

если даже смотреть на нее не может? Или это новый метод пытки?

Хит и Спок поменялись местами. Глаза Лави увлажнились от предательских слез. Она моргнула, и слезы мгновенно испарились. «Ну, нет уж, раз меня позвали сюда, значит, я буду здесь!». Спок взял Лави за руку, что не укрылось от остальных. Треви смотрела на них с ужасом. Она не выдержала этого и вскочила с места.

– Ну, все, с меня хватит! – произнесла Треви и исчезла из зала. Хит вскочил следом, но встретился с колючим взглядом Спока и сел обратно. Лави ошарашенно смотрела туда, куда ушла Треви.

– Сделаем так! – спокойным тоном произнес Спок и посмотрел на гостью. – Лави, Хит проводит тебя в твою комнату. Мне надо переговорить с остальными. Надеюсь, ты не будешь против? Это не займет много времени.

Лави показалось или после слов Спока в воздухе повисло напряжение? Хотя куда уж еще больше?

– Я скоро к тебе приду, и расскажу все, что тебе нужно знать.

Лави открыла рот, чтобы задать вопрос, который вертелся у нее на языке – как долго она здесь пробудет? Ей нужно вернуться обратно до рассвета, пока не проснулась Лавур. Но, окинув взглядом недовольные, рассерженные лица, девушка промолчала.

Она отпустила руку Спока. Поднялась и на негнущихся

ногах вышла из круга. Приятная дрожь, которая ощущалась в круге, вмиг испарилась. Теперь, когда она больше не держала Великого за руку, ее атаковал град эмоций: тревога, обида, гнев и что-то еще, чего Лави не разобрала. Из головы вылетели все мысли, она задыхалась от необъяснимой внутренней боли. Нет, не физической, а моральной, которая казалась ноющей и невыносимой.

– Не поддавайся эмоциям! Дыши, слышишь? Возьми над ними контроль! – сказал Великий.

Лави согнулась пополам. Ей стало нечем дышать, боль проникала в область живота, сдавила плечи, вышибла воздух из груди.

– Дыши! – Спок протянул Лави руку, но она вдохнула воздух через нос и закрыла глаза. С каждым новым вдохом боль отступала, дышать становилось легче. Миг – и боль исчезла. Девушка открыла глаза и приложила руку к груди, вздохнув от облегчения.

Спок посмотрел на Лави с удивлением и восторгом.

– Вот так, – улыбнулся Великий. Он был доволен.

Хит тоже поднялся из круга и подошел к гостье. Лави не могла оторвать глаз от его странных и одновременно необыкновенных черно-белых волос. Но было достаточно увидеть презрение и ненависть на его лице, чтобы она поспешно отвела свой взгляд. Внутри снова кольнуло неприятное чувство.

Хит закрыл глаза, словно прикосновение к ней было для

него излишне болезненным. Лави протянула ему руку и почему-то тоже закрыла глаза.

Спустя мгновение она открыла их и увидела уютную комнату, в которой уже бывала. Кровать, люстра с множеством подвесок и большая картина на полстены. Только теперь, вместо пустой картины, она увидела изображение Треви. Ее шею украшал красный шарф, на голове красовался желтый берет, платье бледно-серого цвета с красными пуговицами свисало с худого тела. Лави еле сдержала ухмылку. Правда тут же опустила глаза на свое уродливое горчичного цвета одеяние и вздохнула. «Лучше уж носить мешанину цветов, чем это уродство!».

– Это комната Треви? – спросила нильфийка, рассматривая картину. Но ответа не последовало. Она обернулась и осмотрела пустую комнату. Хит исчез, не обмолвившись ни словом.

Лави плюхнулась на кровать и закрыла глаза. Внутри бурлила смесь эмоций.

– И что я здесь делаю? Была бы сейчас рядом с Лавур. Так нет же! – буркнула Лави себе под нос.

И от мыслей о бабушке внутри колючками нарастало неприятное чувство. «Надо вернуться до того, как она проснется! Второго моего исчезновения Лавур просто не переживет!».

Беспокойные мысли подстегивали сбежать из этого места. Лави встала с кровати и подошла к двери. На удивление, она

была не заперта. Девушка ступила босыми ступнями на пушистый ковер и пошла по коридору. Теперь можно было не торопиться и рассмотреть все внимательно!

С пустых картин, которые она видела в прошлый раз, теперь смотрели знакомые лица: Гневин в шелковой светлой рубашке, Хит в странном красном облачении, Раздрай в рубахе из золотой парчи, Треви в ярко-желтом платье и с зеленым цветком в темно-серых волосах с красными кончиками, Скрам в жемчужной рубашке, которая сливалась с его светлым лицом, и Спок в серебристом хитоне. Еще одна картина по-прежнему была пустой. Видимо, на ней была изображена та нильфийка, с которой она еще не была знакома.

Лави рассматривала большие картины и внезапно осеклась. Ее затылок прожигал чей-то взгляд. Она тут же развернулась:

– Кто здесь?

Но, кроме нее, в коридоре больше никого не было!

Лави быстрым шагом вернулась в свою комнату. Точнее, в комнату Треви.

Как только она села на кровать, перед ее лицом выросла фигура. Лави подскочила от удивления и приложила ладонь к груди.

Перед ней стояла прекрасная девушка с золотистыми локонами и синими, как васильки, глазами. Она была в точно таком же платье горчичного цвета, какое было надето на ней самой.

– Ты Лави? – спросило это небесное создание.

Лави кивнула.

– А в жизни ты еще красивее, чем в рассказах! – произнесла незнакомка с восторгом.

Уголки губ Лави поползли вверх. Она уже хотела спросить – в каких еще рассказах, но девушка продолжила:

– Ну, наконец-то ты улыбнулась! А то ходишь мрачнее тучи! Хотя как иначе, когда Треви, как всегда, все испортила? Сейчас Великий вправляет ей мозги. Как и остальным...

«Мрачнее тучи? То есть вот кто за мной следил? Спрашивается, зачем?!».

И, словно прочитав мысли Лави, незнакомка продолжила:

– Прости, я немного понаблюдала за тобой. Просто было очень любопытно взглянуть на тебя со стороны. У нас нечасто бывают гости. Точнее, их вообще никогда не было. А тут ты!

«Ну вот, теперь ясно», – подумала Лави. А следом за этой мыслью пришло и облегчение.

– А ты кто?

– Ой, – девушка хлопнула себя ладонью по лбу. – Забыла совсем. Я – нильфийка Счастья. Меня зовут Хэппи, но, если хочешь, зови меня Хэп.

Лави сдержала улыбку, чтобы не рассмеяться.

– Хэппи, отлично.

Красавица улыбнулась и смахнула пылинку с рукава платья.

– Великий сказал, что ты в комнате Треви. Вот я и поспешила сюда. Не люблю я все эти собрания, да и Треви достала уже своими капризами. А познакомиться с тобой мне жуть как хотелось! – Девушка села на кровать рядом с Лави. – Знаешь, нам очень повезло, что ты согласилась нам помочь.

– Вообще-то... – начала объясняться Лави.

Она хотела сказать, что на самом деле у нее не было выбора, но Хэппи остановила поток слов жестом руки.

– Не важно, – продолжила она. – Просто ты нам очень нужна. Великий места себе не находит, видела бы ты его последние дни! Извелся совсем. Он обычно такой сдержанный, а сейчас злится по любому поводу. Значит, дела и правда плохи! Я уже его боюсь. Ой, – Хэппи зажала рот ладонями. – Ты ничего не слышала, поняла? Великий сам тебе все расскажет! Он так сказал! Конечно, я тоже могу, но тогда он меня накажет. Великий велел держать язык за зубами, но мне это очень тяжело дается. Я отвыкла от общения.

– Накажет? – Лави удивилась. – Мне казалось, что Спок очень добрый.

– Спок? – Золотистые брови Хэппи взлетели вверх. И тут, неожиданно для Лави, красавица откинула назад голову с золотистой копной волос и рассмеялась. – Надо же, Лави... – отсмеявшись, проговорила Хэппи, – теперь тебе точно ничего не грозит! Великий никому не позволяет называть себя по имени! Но раз тебе можно, значит, ты на особом счету.

Понимаешь, как тебе повезло?

Лави покачала головой.

– Ээ... вообще-то не совсем. У меня и выбора-то нет! И медальон... Я не могу вернуться в Ангардорию и...

– Так все, хватит! Лучше возьми меня за руку.

– И что будет?

– Тебе полегчает, вот увидишь! Я тебе точно не наврежу. Поверь, это не в моей натуре, – подмигнула Лави красавица.

– Прости, но нет. Хватит с меня этих прикосновений.

Хэппи внимательно посмотрела на гостью. Улыбка с ее лица внезапно исчезла, она нахмурилась, но через мгновение снова повеселела.

– Что ж, дело твое. И, кстати, если тебе понадобится моя одежда, обращайся. Этой роскоши у меня полным-полно.

– Это твое?

– Да, последний писк моды! Красотища, да?

Лави едва сдержала смех. Что же это за мода такая, интересно? И где она откопала такую «красотищу»? Конечно, Лави и сама не разбиралась во всей этой так называемой моде, но что-то ей подсказывало, что Хэппи что-то путает. Ведь она-то видела, как одеваются люди, и платья у них выглядели, мягко говоря, иначе. Да и в Ангардории одежда покрасивее будет! Но Лави промолчала, потому что ей не хотелось расстраивать новую знакомую.

– Хочешь, буду почаще к тебе приходиться? Ну, когда ты будешь здесь. Мне одной скучно, не с кем даже поболтать. Точ-

нее, – поправила Хэппи сама себя, – не с кем среди нильф.
– Слова красавицы прозвучали так грустно, что в груди Лави все сжалось. Она кивнула. Что ж, друзья ей не помешают! А эта златовласка ей и правда понравилась. Как и искренние эмоции на лице Хэппи: восхищение и радость. Она вся светила, как солнце, и это притягивало.

– Буду очень рада, Хэппи.

– А на Треви не обращай внимания! Она всегда такая бубка! Она и не дружит ни с кем, кроме Хита.

– Кроме Хита?

– Ну да, – Хэппи накрутила золотистый локон на палец.

– Они – пара. А ты не знала, что ли?

Лави уставилась на Хэппи.

– Ну, ты даешь! Это видно невооруженным глазом! Думаю, из-за этого она так на тебя взъелась. Но, главное, что ты понравилась Великому, и мне, – на последнем слове Хэппи подмигнула. – Так что тебе не о чем волноваться!

Лави почувствовала, как внутри растекается приятное тепло.

– Ну ладно, обустройайся здесь!

– Хэппи! – окликнула ее Лави.

– Да?

– Спасибо, что заглянула. И еще... рада знакомству!

– Я тоже, Лави, – улыбнулась златовласка и растаяла в воздухе точно также как Треви и Хит.

Лави мерила шагами комнату. «Сколько прошло време-

ни? Спит ли еще Лавур или уже проснулась и ищет меня? Все-таки надо было прикоснуться к ладони Хэппи!» – метались в ее голове хаотичные мысли.

Она легла на кровать и скрутилась калачиком. В комнате едва различимо изменилась атмосфера. Лави подняла голову и увидела Спока. Он наклонил голову и внимательно рассматривал ее.

– Что тебя беспокоит? – спросил Великий, как обычно, спокойным тоном.

– Мне нужно домой, и как можно скорее! Остальные, похоже, не очень рады меня видеть. Что я на самом деле здесь делаю?

Спок медленно подошел к кровати и осторожно сел рядом, не задев нильфийку.

– Ты не доверяешь мне? – В его глазах читалась печаль.

– Не то, чтобы... – начала Лави тихо и продолжила уже более уверенно. – Да, не доверяю! Пока что все ваши действия причиняют мне и моим близким только вред!

Спок нахмурился и о чем-то задумался.

Он протянул руку к лицу Лави, разжал кулак.

Лави ахнула, когда увидела тот самый медальон.

– Мне жаль, что мы заставили беспокоиться твою бабушку.

– Как вы догадались?

– Это довольно просто, – хмыкнул он. – Насколько мне известно, ты живешь вместе с ней.

Лави вспомнила слова Спока о шпионе и внутри нее все похолодело. За ней кто-то следит, даже в Ангардории – вот в чем дело!

– Лавур никогда не жаловалась на плохое здоровье, – продолжил Великий. – Сколько ее помню, она всегда была здорова как бык. – Он улыбнулся и тут же стал мрачнее тучи. – Но больше всего я сожалею о твоем недоверии ко мне. Надеюсь, в будущем мы подружимся. И я пришел не только для того, чтобы отдать тебе медальон. Ты хотела все знать?

Лави рассеянно кивнула.

– Начало истории ты знаешь. Когда ты была маленькой, мы с Равни вместе правили Ангардорией. Ты знала, что когда-то люди жили вместе с нами? Они создавали семьи и свободно перемещались по обоим мирам. Знала бы ты, как раньше было шумно и радостно в Ангардории. Тогда не было того страха, полной покорности и глупых правил... Равни любит власть! Любит, когда ей подчиняются, и со временем поняла, что теряет ее, что ее никто не боится. Она ненавидит тех, кто сильнее ее, и устраняет их!

Лави ошарашенно смотрела на Спока. Кажется, теперь она поняла, почему мама так разозлилась, когда в пять лет Лави применила Дар. Теперь пазл сошелся.

– И, чтобы ее уважали, она закрыла границу! Равни не имела права делать это без моего согласия! В тот же день она изгнала меня и наслала проклятие. Вот поэтому столько лет мы живем здесь и прячемся от нее. Поэтому мы тебя изме-

нили – мы прячемся от Равни! Безумец способен на ужасные поступки, поверь мне! Все, что происходит в Ангардории – неправильно! Я хочу вернуть прежний мир! Истинный правитель Ангардории – я! И, будь я в Ангардории, когда твоя мама исчезла, я бы камня на камне не оставил, а нашел бы ее! А что сделала Равни?

Лави открыла рот, ком застрял в горле. Перед глазами появилась белоснежная как облачко вспышка, а потом посредине комнаты выросла фигура с разным цветом волос. Хит.

– Великий, прости, что пришел без предупреждения, но время подходит к концу.

Спок свел на переносице кустистые брови. Он не договорил свою фразу, а Лави с любопытством ждала ее окончания. Теперь же, кажется, он не собирался больше удовлетворять ее любопытства.

– Что ж, Лави, тебе уже пора. Как я уже говорил, я хочу, чтобы ты нам доверяла. И мне не нужно, чтобы из-за нас ты или твои близкие страдали.

Спок разжал ладонь:

– Это твое.

Дрожащими пальцами Лави прикоснулась к медальону.

– Давай лучше я, – произнес Спок, а Хит презрительно фыркнул.

– Какие-то проблемы? – обратился Спок к нему.

Тот тут же извинился и опустил голову вниз, сжимая кулаки.

Спок повесил на шею Лави крупный медальон с красным огненным сердечком внутри. Медальон ярко засиял, словно приветствуя свою хозяйку, и тут же вновь погас. Лави затопило облегчение вперемешку с безграничным счастьем.

– Я отдаю его в знак моего трепетного к тебе отношения. Надеюсь, ты понимаешь, как я рискую.

Лави моргнула.

– Ты можешь бросить нас. Я это понимаю... Но очень надеюсь, что ты так не поступишь. Мы вынуждены скрываться и жить вдали от своих семей. – Великий замолчал и, спустя несколько бесконечно долгих мгновений, добавил: – Нам очень нужна твоя помощь. Надеяться нам больше не на кого. С твоей помощью мы сможем снова вернуться в Ангардорию и все исправить! Вот, возьми это! – Он поднес к ее лицу второй зажатый кулак и разжал его. Лави во все глаза смотрела на какой-то стеклянный пузырек. – Это смесь трав, которые растут в Рагдонии. Если ты выпьешь эту жидкость, то на время станешь человеком. Люди смогут видеть тебя и прикасаться к тебе. Я лишь хочу, чтобы ты узнала их поближе и убедилась, что они добры и не угрожают всем нам. А потом я придумаю, как ты сможешь убедить в этом Равни.

– Что? – Лави вспыхнула от возмущения. – Да Равни меня в порошок сотрет, если я выполню вашу просьбу!

– Ну, она и так считает тебя предательницей.

Лави не знала, что ответить.

– У тебя есть два дня, чтобы принять правильное реше-

ние. Если откажешься, так тому и быть. Я больше не хочу на тебя давить. Но если согласишься, я буду в вечном долгу перед тобой.

– Мама пропала из-за этого? – вырвалось у Лави.

Взгляд Спока помрачнел.

– Нет, вовсе нет.

Лави покосилась на пузырек.

– Если согласишься помочь нам, просто выпей его содержимое. Ты пробудешь человеком всего несколько часов. Подожди, не перебивай! От тебя требуется выпить жидкость и узнать людей поближе. Ну, а теперь тебе нужно поторопиться, пока Лавур не проснулась.

Лави взяла маленький пузырек с массивной ладони Великого и недоверчиво посмотрела на него.

Встала с кровати, бросила взгляд на опечаленного Спока, протянула руку Хиту и провалилась в сон.

Глава 22. Опасность

Лави в полудреме приоткрыла глаза. Она провела ладонью по знакомому на ощупь одеялу и улыбнулась. Интересно, кто ее укрыл? Вряд ли этот гад Хит! Она с ужасом уставилась на картину Треви, фонтан посреди комнаты и люстру с подвесками.

«Как же так? Хит ведь должен был вернуть меня в Ангардорию! Или все-таки обманул?». За спиной чувствовалась приятная тяжесть. Лави резко повернула голову и облегченно выдохнула, глядя на свои прекрасные крылья! Она еще раз внимательно осмотрела комнату и нахмурилась. В комнате Треви не было фонтана! От догадки по телу пробежала дрожь.

Лави подошла к каменной стене и провела по ней ладонью – как когда-то мама. Миг – и комната Треви исчезла, а вместо нее перед взором предстали прозрачные стены, из которых, как на ладони, раскинулась Ангардория, ее привычная жемчужная кровать, обычный, ничем не приметный пол. В последний раз Дар проявился в пять лет. И вот... это снова повторилось. С чего вдруг, если прошло тринадцать лет?! Почему Дар вернулся именно сейчас?

Она покосилась на кровать. На ее любимом покрывале лежал пузырек с той самой жидкостью, которая превратит ее в человека. От одной мысли об этом тело покрылось мураш-

ками. Она взяла пузырек и спрятала его под кроватью. Стащила с себя платье горчичного цвета, вспоминая о его владелице с теплой улыбкой, надела другое, светлое, длиной до щиколоток. От привычной приятной телу ткани тревожные мысли отступили. Она дома, в своей комнате. И, похоже, все-таки успела! Хвала небесам!

Лави взмахнула крыльями и полетела в комнату бабушки, чтобы проверить спит та или уже нет. Едва пробудившаяся Лавур сидела на кровати. Ее всколоченные волосы торчали в разные стороны, ночная рубашка задралась выше колен. Лавур сонно посмотрела на внучку, перевела взгляд на шею и помрачнела, поднимаясь с кровати.

– Лави, у тебя медальон? – спросила она сиплым ото сна голосом.

Лави коснулась ногами пола и посмотрела на медальон. Она облизнула пересохшие губы.

– Да, – улыбнулась она. – Как раз хотела тебя обрадовать, но ты уже его заметила.

Лавур не сводила с медальона глаз.

– Обрадовать? – со злостью произнесла она. – Чем обрадовать?

Лави с недоумением посмотрела на бабушку.

– Что это такое? И кто тебе его дал? – продолжала злиться Лавур.

Между рыжих бровей Лави пролегла хмурая складка. Она покосилась на медальон и пыталась найти в нем хоть ка-

кой-то изъян, который разозлил бабушку. Медальон как медальон. Ничего особенного.

– В каком смысле?

– Лави, это не медальон твоей матери. Я это точно знаю!

Лави шагнула назад, не веря своим ушам. Она открыла рот и тут же закрыла.

– Откуда он у тебя?

– Я нашла его там же, где и потеряла, – соврала девушка.

– Постой! Ты отправилась ночью в мир людей?

Лави пожала плечами и опустила глаза в пол. Ложь завлекала в свои сети, стыд вытягивал соки.

– Мне не спалось, – неуверенно произнесла Лави. Не такой реакции она ожидала! – И я помню, как ты расстроилась, когда увидела, что я потеряла медальон. Лавур, не злись. Я всего лишь хотела тебя порадовать!

Взгляд Лавур оставался таким же строгим.

– О чем ты только думала? А если бы тебя заметили стражники? Равни и так чем-то недовольна. Вон вчера вылетела из нашего дома, как ошпаренная. Сними-ка ты этот медальон. Он точно не твой. И уж тем более – не твоей мамы.

– Но чей же тогда?

– Не знаю, – задумчиво произнесла Лавур. – Но мы это выясним. Собирайся, давай!

– Куда?

– Мы отправляемся к Равни. Покажем ей это. Лави, да сними ты его!

Лави вздохнула от огорчения.

– Лавур, а если ты ошибаешься? Что, если я точно знаю, что он мамин? Он признал меня и даже не обжигает кожу.

– Я вижу отличия, Лави. Снимай, давай! Хватит мне зубы заговаривать!

Дрожащими пальцами Лави прикоснулась к веревке на шее и попыталась стащить ее через голову, но та словно приросла к коже.

– Что такое? – обеспокоенно спросила Лавур.

– Не снимается!

Лавур подошла к внучке, попыталась ей помочь, но – ни в какую!

Бабушка уперла руки в бока.

– Лави, настало время все мне рассказать! И даже не пытайся скрыть от меня хотя бы малейшую деталь!

– Прости, я не могу.

– Что значит: не можешь? – В глазах Лавур вспыхнула злость. – Сейчас же рассказывай!

Но Лави ничего не успела объяснить, потому что к ним наведались гости...

Равни стояла в своем белоснежном облачении. Она встретила взглядом с Лави и поджала губы, точно так же, как и прошлым вечером. Рядом с ней выросло шестеро вооруженных до зубов стражников. Все они были облачены в кожаные штаны и туники. В их руках сияли Жезлы силы – оружие, которое помогало оберегать Ангардорию. Лави с недоумением

переводила взгляд с оружия на бесстрастные лица нильфов и не понимала, что происходит.

– Приветствую, Равни, – поклонилась Лавур правительнице, но та жестом руки велела ей замолчать. В глазах Лавур отразился страх за внучку. Теперь и сомнений не осталось, что Лави влипла в передрагу.

– Что случилось? – произнесла Лавур спокойным голосом, опасаясь выдать свой дикий страх.

– Я пришла за ней, – в тон Лавур произнесла Равни. – Лави, ты обвиняешься в измене и прямо сейчас отправляешься вместе с нами во дворец!

Обе – и Лави, и Лавур – одновременно побледнели.

– В какой еще измене? – прошептала Лавур. – Да она только проснулась, так же, как и я!

– А вот и нет. Вчера вечером я наслала на нее дымку. И, как думаешь, где твоя внучка провела ночь? – с едкой ноткой спросила правительница.

Лави пыталась уловить смысл слов и не рухнуть на пол. Мама как-то рассказала ей, что такое «дымка». Это пыльца, без запаха и цвета, ее даже не почувствуешь. Тогда девочка слушала об этом с неподдельным восторгом. Вот ей бы такую дымку – она бы, к примеру, могла проследить за мамой и подольше постоять напротив витрин с аппетитными пирожными, а та бы даже и не заметила! Но Лави и подумать не могла, что когда-нибудь правительница применит эту способность на ней самой!

«Вот зачем Равни пришла к нам вчера! Не убедиться, что со мной все в порядке, а наслать дымку, чтобы проследить!».

– Обыскать тут все! – приказала Равни двоим стражникам.

Те тут же полетели в комнату Лави и притащили оттуда два платья горчичного цвета и пузырек, найденные под кроватью.

Лавур смотрела на все это круглыми глазами.

– Что ж, любопытно! Ты уже ходишь в их одежде!

– Да в чьей? – спросила Лавур.

– Терпение!

Равни повернулась к Лави:

– Если ты пойдешь с нами добровольно, то тебе ничего не грозит.

– Что ты хочешь с ней сделать? – выпалила Лавур. На ее лице смешались ужас, паника и беспокойство.

– Я лишь задам ей пару вопросов. Не беспокойся, Лавур. Если ей нечего скрывать, и она не предавала нас, то с ней ничего не случится.

Ноги Лавур подкосились, она взмахнула крыльями, чтобы не упасть.

Лави посмотрела на стражей, правительницу, бабушку и сама себе удивилась. Еще несколько дней назад вся эта ситуация напугала бы ее до смерти.

Поначалу ей и, правда, было страшно, но в данную минуту она испытывала полное спокойствие. Как будто Спок дер-

жал ее за руку и шептал свое «дыши». Она слышала голоса Равни, Лавур и ошарашено смотрела на них. После возвращения из Рагдонии она стала читать интонации голоса.

Девушка решила, что ударилась головой, но как только Равни произнесла, что ей ничего не грозит, то услышала в ее голосе скрипучие нотки. Правительница врет и не планирует задавать ей никаких вопросов. А если и задаст, то все равно казнит ее!

Было стыдно смотреть в глаза бабушки, прожигавшей ее взглядом. Но Лави все-таки пересилила себя. Лавур прошептала губами: «Беги!».

Страх не было! Лишь какая-то чуждая ей решительность... Девушке хватило несколько мгновений, чтобы оценить обстановку. Возле нее стоит стражник, который держит в руках пузырек и два платья Хэппи. Еще один – в трех шагах, четверо по-прежнему находятся возле двери за спиной Равни в ожидании ее команд.

Лави развернулась и бросилась на стражника. Он опешил, выронил из рук пузырек. Лави тут же подхватила его и пулей вылетела из дома. Равни успела лишь отпрыгнуть в сторону, стражи попытались схватить Лави, но упустили.

Она летела настолько быстро, насколько могла. Еще усерднее махала крыльями, опасаясь оглянуться назад. В голове пронеслись страшные картинки: ужасные пытки Равни, от которых кровь стынет в жилах; рука, а следом и все тело стораец заживо – подарок Спока; и в обоих случаях смерть.

Эти мысли придали Лави еще большей скорости. Она направилась к границе и нашла слепую зону, чтобы не попасться на глаза стражников, охранявшим границу. К счастью, никто не преградил ей путь.

Глава 23. В бегах

Граница осталась позади. Лави бросилась вниз, как только ноги коснулись твердой почвы. Ничего не понимая от панического удушающего страха, она ринулась к какому-то обветшалому дому с прогнившей крышей. Вытащила пробку из пузырька и вылила в рот все содержимое. Что ж, одна хорошая новость в сложившейся ситуации все-таки есть – в теле человека Равни будет сложнее ее найти!

На языке ощущался противный кисло-горький вкус. Лави прикрыла рот ладонью, лишь бы не выплюнуть эту гадость! Ноги вдруг отяжелели так же, как веки и живот. Девушка удивленно посмотрела на свои руки. Они казались то огромными, то тоненькими, как спички. Голова закружилась. Лави зажмурилась и вдохнула воздух, как учила мама. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Мысли устаканились. Она открыла глаза и застонала от острой боли в голове. Тело ощущалось тяжелым и чужим. Волосы противно лезли в глаза, кожа чесалась, а в нос проник неприятный запах.

Пошатываясь на ногах, Лави вышла из помещения. В глазах защипало от дневного яркого света. Она прищурилась. Мимо прошел какой-то бородач с книгой в руках, удивленно покосился на нее, споткнулся о камень. Лави застыла на месте. Она оглянулась, чтобы убедиться, что он смотрит на ко-

го-то другого. Но нет, он не сводил с нее глаз. Бородач перевел взгляд на ее босые ноги, хмыкнул и прошел мимо. Лави вздохнула с облегчением. Что ж, теперь она человек, пусть и ненадолго.

От холода она обняла себя руками. Люди ходили в куртках и теплых ботинках, а ее босые ноги мгновенно замерзли от соприкосновения с холодной землей. Знать бы еще, куда именно она попала. Эти места были ей незнакомы.

До ушей доносился гул голосов. С непривычки Лави закрыла уши руками. Раньше звуки не казались ей настолько громкими. А теперь весь шум словно гудел в голове. Лави шагнула вперед, ее ноги подкосились, и она упала на землю. «Какое странное состояние! Как будто тело и вовсе мне не принадлежит!» – подумала Лави.

Она поднялась на ноги и окинула свое испачканное в грязи светлое платье. На фоне людей в куртках она выглядела жалкой. Ветер играл ее огненно-рыжими волосами, запутывая их еще сильнее, и колот щеки. Лави перевела взгляд на прохожих. Прошла бабушка в сером пальто и с милой собачонкой на длинном поводке. Высокий мужчина бежал за маленьким мальчиком, который крутил педали на велосипеде. Две подружки о чем-то шушукались. Никто из них даже не повернул голову в ее сторону.

Лави оглянулась на то самое обветшалое здание и потопала обратно. Здесь хотя бы ветер не пробирал до костей, но все равно было холодно. Она облокотилась о стену и сползла

вниз, пытаясь согреть озябшие ноги и засунуть их под платье. Но оно было слишком легким и не укрывало ее ступней. Кожа покрылась мурашками. Нос покраснел, зубы стучали, а губы дрожали. Она громко чихнула и удивилась самой себе. Это что еще такое? Холод заволакивал в сети сна. Лави прижала колени к груди и положила на них голову. «Может и правда поспать?» – пронеслась в голове мысль.

Как только она закрыла глаза, что-то укололо ее в плечо. Лави напряглась, когда увидела перед собой человека. Он был в грязной одежде: красный шарф обернут вокруг шеи, дырявая вязаная зеленая шапка, едва прикрывавшая уши, на руках – вязаные перчатки с открытыми пальцами, слишком большая для худощавого тела куртка. На ногах – тапочки и шерстяные носки. Красный нос, в руках – какая-то бутылка с прозрачной жидкостью. В нос проникла смесь тошнотворных запахов. Лави непроизвольно закрыла лицо рукой и отвернулась.

– Чего морду воротить? Приперлась ко мне домой, еще и отворачивается! Эй, я с кем разговариваю? – Мужчина щелкнул пальцами перед ее лицом.

Лави повернулась и посмотрела на него большими зелеными глазами.

– Хм, – продолжил бродяга. – И откуда же ты такая взялась? Ночнушка, небось, совсем не греет. Вон уже губы синие! – Он поставил на пол бутылку и стал стягивать с себя куртку. Лави напряглась еще сильнее.

– Повезло тебе, девка, что ко мне домой притопала, а не к Лешему. Вот он бы три шкуры с тебя спустил. А я сегодня добрый! – прохрипел он.

Снял с себя куртку и накинул на плечи незваной гостье.

Лави дернулась, но куртку не скинула. Из носа потекла прозрачная жидкость. Лави вытерла ее и снова удивилась. «Да что это со мной такое?». Она с ногами забралась под куртку и закуталась в нее, зажмурившись как кошка. Тело быстро согрелось.

– Спасибо, – прошептала Лави и удивилась своему то-ненькому голосу.

Бродяга отвернулся, засмутившись, словно не привык принимать благодарности. Он остался в большом темном свитере и в мешковатых штанах, перевязанных потертым ремнем.

– Выгнали из дома? – спросил он с пониманием.

Лави уставилась на него и кивнула.

– Понятно. Значит, ты – как и я, – тихо произнес бродяга и печально вздохнул. В глазах проскочила какая-то неразличимая эмоция, он отвернулся, чтобы Лави не увидела, что они увлажнились. Он вытер глаза, вышел на улицу, подышал свежим воздухом и вернулся обратно. Потом решительным шагом направился в угол и покопался там. Лави вытянула шею, чтобы рассмотреть, что там находится. В углу на полу валялся какой-то хлам. Мужчина взял какое-то тряпье и подошел к перепуганной девушке.

– Одевайся. Пойдем кое-куда.

– Куда? – прошептала Лави.

– Найдем тебе дом. Здесь мне и одному места мало.

Он сунул ей в руки одежду. Дрожащими от страха пальцами Лави прикоснулась к ней и прижала к груди, косясь на бродягу.

– Так и будешь пялиться? Одевайся, давай!

Он отвернулся, а Лави, нахмурившись, осмотрела то, что ей дали.

Все – какое-то темное, мятое и плохо пахнущее.

Мужчина повернулся, и на его лице заиграли желваки.

– Что, не нравится? Ну, извините, бутик не держим!

Лави внимательно рассматривала эту странную так называемую *одежду*.

– Я не носила подобного, – произнесла она робким голосом.

Мужчина удивленно посмотрел на нее, ожидая слов, что это шутка. Но у девчонки был такой опешивший вид, что он задумчиво нахмурил свои темные брови, откинул назад голову и рассмеялся. От смеха из глаз потекли слезы, он согнулся пополам, сел на пол и продолжал хохотать.

Отсмеявшись, встал на ноги, подошел к Лави и присел перед ней на корточки.

– Ты не носила колготы и свитер?

Она покачала головой.

Бродяга взял с пола какую-то странную тряпку, которую

назвал *колготами*, поднял к лицу Лави и сказал:

– Это я на всякий случай стащил у Корги, хоть одежда и девчачья. Не думал, что когда-нибудь пригодится, хотел использовать вместо шарфа. Так, ну ладно. Вот это колготы. Их надевают на ноги. А это, – он ткнул пальцем на коричневый свитер, покрытый пятнами, – через голову. Даю минуту. Не оденешься к этому времени, пойдешь как есть, поняла?

Мужчина повернулся к Лави спиной и отошел в дальний угол. До ее ушей донесся жучащий звук. От неприятного запаха Лави прикрыла нос. Так вот от чего здесь так воняет! Она тут же вспомнила слова мужчины.

Кое-как натянула на себя неудобные колготы, которые оказались велики – по всей длине собрались складки и ощущение было не из приятных. Свитер висел на ней мешком. Образ дополняла желтая шапка с тремя синими помпонами. Судя по всему, когда-то помпонов было четыре...

Бродяга прошел к углу, где он спал, вытащил оттуда что-то. Подошел к Лави:

– Это обувь.

Он протянул ей шерстяные носки и тапочки, точь-в-точь как у него, только явно изношенные.

Лави натянула на себя носки. Ногам стало тепло. Кое-как засунула ступни в тапочки. Выпрямилась в полный рост и осмотрела себя. До чего же нелепо она выглядит! Оказывается, платья Хэппи и правда – красотища! От них хотя бы исходил приятный запах. Но выбирать не приходилось. Тем

более, что она натянула бы на себя все что угодно, лишь бы отогреться. И сейчас ей было тепло и хорошо.

– Другое дело! На первое время сойдет, – довольно сказал бродяга. – Сейчас пойдем к Корги. Она подберет тебе что-нибудь.

Лави хотела спросить, кто такой «Корги», но не успела, потому что бродяга выставил указательный палец и грозно произнес:

– Одежду потом вернешь, поняла?

Лави моргнула и кивнула.

Они вышли на улицу. Лави с упоением вдохнула прохладный свежий воздух и пыталась не отставать от мужчины. В обуви было жутко неудобно, все время казалось, что тапки слетят. Пальцы ног доставали земли, носки цеплялись за сухие ветки, и уже через несколько минут покрылись пылью и грязью. Но со временем Лави привыкла. Прохожие шаркались от них, но Лави так и не поняла, из-за чего именно. Она ведь одета, как и остальные? Ну, практически. От них с бродягой несло жуткой вонью, ну и всего-то! Если бы Спок спросил у нее, хорошие люди или нет, она бы без колебаний ответила «Да!». Бродяга не выгнал ее, поделился своей одеждой и решил найти ей дом. Какой все-таки хороший человек! Добрый и мягкий. Только его почему-то стало жалко... И стыдно... Она даже имени его не спросила! Не поблагодарила, как следует.

Глава 24. У Корги

Лави кое-как догнала бродягу и хотела спросить, как его зовут, когда тот резко остановился и указал пальцем на трехэтажное здание с заколоченными деревянными окнами.

– Пришли, – сказал он и двинулся к входной двери.

Мужчина постучал в дверь. Лави оглянулась по сторонам. Поблизости в ряд выстроились неприметные белые дома, людей не было.

Дверь отворилась. На пороге стояла пухлая женщина. Короткие кудрявые волосы покрывала седина, лицо было круглым и румяным, очки придавали серьезный вид.

– Корги, у нас гости, – произнес бродяга и прошел внутрь. «Так вот кто этот Корги», – подумала Лави и растерялась.

Женщина строгим взглядом окинула Лави с головы до ног. Задержала взгляд на ее «обувке», на колготках и нахмурилась, покачав головой. Посмотрела на лицо гостьи и улыбнулась доброй, мягкой улыбкой.

– Какая хорошенькая! Шрам, – процедила она сквозь зубы, – еще раз стащишь одежду, ничего больше не дам! Понял?

Шрам отвел глаза и посмотрел в сторону, будто ничего и не слышал.

– Хотя, хорошо, что у него хоть что-то было! – сказала женщина, глядя на Лави. – А-то, гляди, выпустил бы тебя в

чем мать родила.

Лави хотела возразить, что у нее есть платье, но Корги ее опередила:

– Заходи, девочка! – тепло произнесла она. – Подберу тебе что-нибудь.

Мужчина, оказавшийся «Шрамом», прошел в дом и растворился в нем. Лави осталась наедине с незнакомкой:

– Я – Корги. А тебя как звать?

– Лави.

– Лави? – растерялась женщина, обдумывая что-то.
– Странное имя, однако! Не слышала подобного. Ты откуда такая будешь?

Лави выпалила, не подумав:

– Из Ангар...

– Откуда? – вытаращилась на нее женщина.

– Из Ангара.

Корни насупилась.

– Не слышала о таком городе. Или это страна?

Теперь уже Лави уставилась на нее.

– Вот я бестолковая! Ты, наверное, голодная! Идем! Да и у меня дел по горло, некогда чесать языком!

Корги вытерла руки о фартук, прошла вперед. Лави пошла следом. До ушей донесся шум воды из другой части дома. Вокруг были голые стены, но в доме было чисто.

– Вот, садись сюда. Я тебе горячего супа налью.

Лави осмотрела просторное помещение с множеством

скамеек и столов. Она села туда, куда указала Корги. Она не успела даже осмотреться, а перед ней уже стояла миска с чем-то аппетитным. Лави покосилась на ложку и вилку.

– Ну, чего не ешь? Не любишь гороховый суп? Прости, другого у нас нет.

– Никогда такого не ела, – произнесла Лави, не сводя взгляда со столовых приборов. Корги нахмурилась.

– Ты что же, никогда ложку в руках не держала? – Удивленно спросила она.

Лави кивнула.

– Шутишь?

Корги внимательно посмотрела на Лави и выпалила:

– Ну, ты даешь! Вот, смотри. Берешь вот так и черпаешь жижу. Попробуй, ничего сложного.

Корги стащила с ее головы шапку и кинула на лавку, где сидела странная гостья.

Лави с любопытством посмотрела на ложку, зачерпнула жидкость и сунула в рот.

Горло обожгло, из глаз брызнули слезы. Она выплюнула жидкость на стол и открыла рот, в котором горело огнем.

– Ну, ты и чудачка, – сказала Корги. – Лави, он же горячий! Сперва суп надо остудить. Вот так, – Корги наклонилась к тарелке и подула на суп. Потом куда-то ушла и вернулась с граненым стаканом, наполненным какой-то жидкостью.

– Вот, выпей это. Тебе полегчает.

Лави, не глядя, выпила из стакана воду и плечи расслабились. Боль во рту отпустила, но обожгло язык.

Лави попробовала суп снова, следуя инструкциям Корги. Суп уже немного остыл, и, на удивление, ей понравился вкус. Она доела все содержимое тарелки и зажмурилась. В животе потеплело, стало так хорошо.

– Добавки?

Лави покачала головой.

– Нет. Спасибо. Очень вкусно!

– Вот и здорово. Сиди здесь. Я тебе сейчас кое-что принесу.

Лави осталась сидеть на месте. Ее клонило в сон. Она положила голову на стол и закрыла глаза.

– Лави, ты что уснула?

Девушка резко открыла глаза, подняла голову и увидела Корги со стопкой одежды в руках.

– Вот, держи. Это одежда моей дочери. Девка раздалась в боках, и эта одежда ей мала. А тебе, думаю, будет в самый раз. Подними руки вверх.

Лави послушалась. Корги стащила грязный свитер и бросила его на пол.

– Мда, ну и кадр ты, конечно! Так где находится эта твоя Ангара?

Лави не знала, что ответить. Все, что с ней происходило, казалось просто сном. Станным нереальным сном. Не станет же она рассказывать про Ангардорию! Если она хотя бы

кому-то из людей расскажет про дом нильфиек, пощады от Равни не жди!

– Ладно, не хочешь говорить, не надо. Даю тебе джинсы и кофту. И вот еще пальто с ботинками. На улице холодно. В обувке Шрама долго не проходишь.

Лави рассматривала синие джинсы в обтяжку, кофту с разноцветными полосками и бежевый плащ с крупными пуговицами и поясом.

– А что это за место? – спросила она о жилище Корги.

– Это дом для таких, как ты.

Лави моргнула.

– Для тех, кому нужна помощь. Еда, одежда. В соседней комнате – общая спальня. Шрам одно время жил здесь, но потом ушел. Говорит, не любит ютиться, – хмыкнула Корги. – Я бы и тебе местечко нашла для ночлега. Но уже все забито. Даже на полу спят. Во как! – Она вздохнула. – Иногда даже получается пристроить кого – куда: на стройку, еще на какую-то работенку, – продолжила женщина. – А там – и комната в общежитии. Глядишь, человек на ноги встал! А я – волонтер. Надеюсь, ты знаешь, что это означает.

Лави кивнула, хотя на самом деле совершенно не понимала, о чем идет речь.

– Ну, хоть что-то знаешь. Уже хорошо. А то – словно с неба свалилась. Вон даже не знала, как ложку в руках держать. Как же ты питалась раньше?

Лави решила промолчать. Она натянула на себя непри-

вычные джинсы, продела через голову кофту. Одежда села как влитая. Лави провела ладонью по разноцветным полоскам. Ткань приятно прилегала к телу. Корги наклонилась, застегнула молнию на джинсах и продела пуговицу через петлю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.